

АНДРЕЙ КУЦ

ЕГОРУШКА

РОМАН

Андрей Куц

Егорушка

«Издательские решения»

Куц А.

Егорушка / А. Куц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858160-1

Егор ошибся дважды. После первого раза, он очень долго бежал через бесконечные леса и поля. Во второй же раз, он, уставший, расслабился, снова доверившись людям, и оказался в плену, в каком-то убогом шалаше посреди кукурузного поля. Теперь он лежал, слушая песню маленькой девочки, а над ним нависало трое пацанов, плавая в высоком жарком солнце. Они боялись, что он причинит им вред. И они были правы: он сделал бы это с радостью, чтобы продолжить свой бег, ища, где осесть. Мужик шурился и выжидал.

ISBN 978-5-44-858160-1

© Куц А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава первая	10
Глава вторая	24
Глава третья	49
Глава четвёртая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Егорушка

Андрей Куц

© Андрей Куц, 2018

ISBN 978-5-4485-8160-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

За происходящим неотрывно следило вездесущее око.

Оно было настолько неотвязным, что вызывало раздражение, – и жутко хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть своей тени, предметов вокруг и его – ока.

Зрило оно всё! От него ничто не могло укрыться.

Но, к счастью, оно было не вечным. Наступало время, когда ничего из бывшего оно больше не различало, и следило уже за другими людьми, другими событиями, иными предметами. И этим благословенным временем была ночь. Ночь скрывала добротный кусок земного жития. Она спасала. Но... не всегда.

Вот и теперь око выслало в дозор свою верную смену. И в ночи, над землёй, повисло менее яркое, совсем не горячее и, уж конечно, подслеповатое, но в остальном такое же немилосердное вездесущее небесное око – на смену дневному светилу приходила ночная странница...

Солнце сменялось полной Луной, и вот уже который день подряд на земле ничто не пропадало без остатка ни на одно мгновение. Даже грозы перестали сотрясать и освещать окрестности – не закрывали они неба, всего того, что в его вышине плыло неусыпно и невыносимо медленно, упорно. Всё на земле было явно, жёстко очерчено, выделено, открыто для постороннего, негожего, случайного глаза.

А скрывать было что!

Бориска часто смотрел на небо и негодовал, сердился на несносный светящийся блин, повисший над головой. Ему казалось, что за ним постоянно наблюдают. И не просто наблюдают, а с укором, – обличают его и укоряют за содеянное, и продолжающее деяться. Этот неотвязный посторонний взгляд прожигал дыру в его макушке. Он всверливался, он проникал в его мозг и гудел, нудел там, заставляя думать и, что самое главное, сомневаться. И ещё... пугать.

Бориска надеялся, что спящая рядом с ним маленькая девочка лишена тяжкого знания хотя бы во сне. Спится ей тихонько, спокойно, и лучше, без всяких снов. Судя по её ровному сопению, так оно и было.

«Любой сон страшен, – думалось мальчику. – Как бы сон не начался, он всегда может вывести... он может переплестись с тем, что тебя больше всего волнует... он выведет на действительность и породит кошмары».

В последнюю ночь Бориска практически не спал, и теперь он был очень утомлён... да так, что его раздражённые, воспалённые нервы трепетали, помрачая и без того смущённый рассудок – мысли путались.

Бориска не спал. Он ждал хотя бы маломальской тучки на ночном небосводе и размышлял о том, как же им, *всем* им выпутаться из всего *этого* кошмара? Как им быть и что предпринять?

Он сидел понуро и изредка вздрагивал. Он сидел и боролся со сном, желая и страшась его. Иногда он поднимал голову, чтобы оглядеться в тихой ночи. Бориска старожил сон маленькой Любочки, втянутой во все эти безобразия, лично его не отпускающие даже во сне. Он хотел успокоения. Он силился представить те дни, когда ещё ничего не произошло. Всё было обычно, привычно, знакомо, и он неспешно двигался по хорошо изведанной дорожке вперёд, к цели, которая пока не оформилась в знание, но от этого не стала менее неотвратимой, – она обязательно ждёт его, она обязательно, обязательно наступит, сбывшись, и, обласкав, успокоит его раз и навсегда... *всегда*...

...и были, были *тогда*...

– Тогда? – от удивления Бориска вскинул брови. – То-огдааа... – протянул он, ухмыляясь, как переевший сметаны котяра. – *Тогда!* – утвердил Бориска неоспоримый факт.

Мальчику чудилось, что он и правда, всамделишно думает. Думает стройно, логично. Но это было не так. Это ему только чудилось. Он дремал – это уже был бред.

...тогда были чудесные июльские деньки – так радостно, так светло было в мире... мир радовался, мир вокруг сиял и ликовал! И было всё то же, что и теперь...

– Не то же, *другое*, – промямлил дремлющий мальчик.

...лето. И была его, Бориски, родная деревушка. И было всё то же...

– Но только не то же, *другое!*.. *Вовсе* другое!

...поле, кукурузное, необхватное взглядом, поле. А потом... потом пришёл *Он* – тот, кто всё испортил...

– Да... он... проклятый.

Бориску сморило.

Мальчик клюнул носом.

Бориска уснул.

Часть первая

Деревушка Тумачи, состоящая из девяти занятых, кое-как ухоженных, обремененных, и трёх заброшенных, заколоченных, покосившихся и порядком сгнивших домов, покачивалась на волнах дремотной полуденной неги. День выдался янтарно-изумрудным: солнце высоко, небо безоблачно – природа млеет, буйствуя, – весь июнь был наполнен дождём, отчего свежей зелени – море разливанное.

Целую радёшеньку неделю продержалась жара. Лишь второй день по вечерам и ночам по округе бродят грозы, изредка прихватывая Тумачи краешком своего тучного, тяжёлого тела, и роняют пару горячих капель, – дрожит тогда земля, сотрясается, и налетает упругий порыв ветра, наваливается – душит, давит, свирепый, от избытка удалой силушки.

Деревушка находится в полутора километрах от крупного села Житнино, где есть фермы на угодьях бывшего богатого большого совхоза «Красный луч». Село и деревушку соединяет просёлочная дорога, которая тянется через непрекращающееся поле. Двадцать семь жителей Тумачей добираются до магазина, до работы, школы или, влекомые каким городом, до автобусной остановки всё по ней одной, по единственной дорожке – в сторону запада, через поле, год за годом неизменно засеваемое кукурузой. Будь то зима, весна или осень – слякоть, сугробы, лёд, – они отправляются в путь. Всем надо в село. При первой же возможности жители пользуются девятью велосипедами, а иного, глядишь, подвезёт на тракторе, грузовике или ещё каком транспорте Николай Анатольевич Потапов, работник одной из ферм, житель Тумачей. А бывает, что в ненастную погоду, сжалившись, из села пришлют ПАЗик, если, конечно, он не увязнет в грязи или пробьётся через сугробы.

Некогда была возле деревушки хилая речушка. Было это ой как давно! Уж и не упомянуть. Пересохла она в незапамятные времена. Никто уже не скажет, как она звалась. Скромная впадинка, изгибающаяся вдоль просёлка к Житнино, – сохранившееся о ней смутное напоминание.

Ни ручейка, ни ключа нет в Тумачах. Одинокий колодец снабжает жителей глубинной водицей.

Вокруг – поля. Всюду – поля!

Клин леса едва виднеется только в южной стороне. Всё остальное – неохватные взглядом поля. Лишь холмы делают их не столь бескрайними. Ни одна вышка сотовой связи не омрачает ровности пейзажа.

Когда-то лес вплотную приближался к Тумачам. Весь восток – сплошные деревья. Но двадцать пять лет назад случилась засуха. А за ней пришёл пожар. Пожар нещадно выжег лесной массив. Деревушка уцелела каким-то необычайным случаем. Дождаться, когда восстановится лес, жить на пожарище никто из жителей не захотел, и всё, что оставалось от бывшего лесного раздолья, извели, расширив полевые угодья, в основном отведённые под кукурузу.

В этот 2005 год весна выдалась ранняя, тёплая. К концу мая кукуруза достигла полуметра. К концу июня – полутора. И вот к середине июля она, равномерно вымахав, подобралась к двум метрам, и стала сочной, плотной, толстой. Но початки – дохлые, и их мало, потому что кукуруза все силы, все питательные соки потратила на стремительный рост.

Теперь лето! Из городов в сёла да деревни понаехало много взрослых и детей. Но Тумачи никто не почтил вниманием. Да и кому приезжать? Некому! И даже отдыхающие в Житнино редко забредают на их территорию. Никому не глянется идти в забытую богом деревушку, которая затеряна всего лишь среди полей, и нет за полями ничего манящего и тем более достижимого.

Жители Тумачей нет-нет да отваживаются и идут в Житнино сами, не по нужде, а по любопытству, чтобы поглядеться да подивиться на городских, которые все из себя кра-

сивые и любят хвастливо этак выставить свою значимость. Это бывает забавно и даже поучительно. Но чаще – завидно, отчего разъедается душа и распяляется сердце.

Три года назад – в 2002 году – из далёкого большого города, по причине неожиданной необходимости, в Тумачи приехала девочка Катя, а с ней – брат Рома и мама – Раиса Дмитриевна Ступкина, выросшая в Тумачах. Немногочисленные жители деревушки быстро привыкли к Роме с Катей, и принимают за своих. И даже жалеют их, так как они теперь тоже смотрят со стороны на ту, другую, большую жизнь – им, конечно, тяжелее, чем местным, потому что они не только познали эту *другую* жизнь, а при ней выросли. Местные же, за редким исключением, иного никогда не ведали: они всегда были лишены всяких там городских соблазнов и благ.

Годы безвременья потихоньку уходили, отступали, теряясь в прошлом. Впереди глянуло и – проступило, местами уже во всю вторгаясь в повседневную жизнь, долгожданное завтра – *такое* долгожданное, запретное, богатое, сладкое будущее! Стоит только дойти из Тумачей до Житнино, как, глядишь, по дороге проедет что-то неимоверной величины, тяжёлое и мощное, как танк, но не танк и не трактор, а – внедорожник?.. джип?.. или промчится сверкающий механизм – возникнет, как из параллельного мира, из неведомой жизни, что стремительно набирает ход в далёких городах, куда ни взрослым тумачовцам, ни их детишкам покуда никто пропусков не выписывал.

Страна, бурно, агрессивно, вздорно и порочно развиваясь и меняя облик, клокотала, исторгая сгустки застарелой гнили, копя новые очаги воспалений.

Тумачи жили своей жизнью.

На двадцать семь жителей деревушки приходилось целых восемь юных душ. Но этим летом в наличии были не все: один мальчик, превратившись в мужчину, отбыл в ряды беспокойной, непредсказуемой армии, молясь, чтобы не попасть в кровавую мясорубку, другой же юный представитель мужского пола пока был далёк от подобных переживаний и волновался, негодовал, ликовал или страдал по-детски живо, насыщенно и полно в летнем лагере «Юная дубрава», что в Орловской области. У первого отсутствующего, которого, между прочим, звали Ромой, была младшая сестра по имени Катя, – это те самые, кто в 2002 году приехал в Тумачи. Кате, кстати, недавно исполнилось тринадцать лет, и она глубоко сожалела, что брата нет рядом, что она осталась одна против бабушки и мамы... вечно непредсказуемой, как армия, мамы. У второго отсутствующего, десятилетнего отпрыска по имени Дима, был брат Саша, который был старше на два года, и который страшно ему завидовал, потому что тоже хотел в лагерь. Но на Сашу, как, впрочем, всегда, у семьи не нашлось денег, – а ему хотя бы куда-нибудь, хотя бы на несколько недель вырваться из этих ненавистных, осточертевших Тумачей! Саша, в отличие от Кати, не сожалел о брате. Он наслаждался его отсутствием. У Саши был старинный товарищ Митя, его одноклассник – двенадцати лет. С недавних пор на равных с ними – товарищеских – правах существовала и Катя. Так как деревушка была невелика, то зачастую брат Саши, Дима, присоединялся к ним, чтобы скоротать время, – и делал это, несмотря на недовольство старшего брата. И был четырнадцатилетний Бориска, и была пятилетняя Любочка... которые теперь спят в ночном поле, и даже во сне *стараятся* не видеть сновидений...

Глава первая

День знакомств

16 дней назад (11 июля 2005 года, вторник)

Любочка очень спешила.

Её босые ножки поднимали пыль, над головой плыло солнце, парили ласточки, а вокруг без движения стояла высоченная зелёная кукуруза.

Любочка должна была принести напиток незнакомому дяде. Ей дали поручение, её попросили сделать «божескую милость», – хотя она смутно понимала, что это есть такое.

Она торопилась. Ей было жалко дядю, томящегося в кукурузе, – до того высохшего без единой капли воды, что он не мог поднять ноги, чтобы идти самому. Он лежал, стонал, и лицо у него было сухое и морщинистое, губы – слипшиеся, потрескавшиеся, глаза – жёлтые и глубоко впавшие... Вообще-то дядя ей совсем не понравился. Он даже напугал её. Но он просил о помощи. И Любочка видела, что ему, и правда, надо помочь, – она поспешила в деревню за чашкой или банкой с колодезной водой.

Любочка, пятилетняя девочка, торопилась. Её простенькое лимонное платьице – светлое пятнышко, катящееся по дороге к первому дому Тумачей, и за ним поспевают тёмно-русые волосы, достающие до середины спины девочки. Дом был чужой, совсем чужой. Никто не знал его хозяина. Когда-то в нём жила бабулька, но она давно умерла, – Любочка её не видела. С тех пор в доме никто не поселился, и он опал, как дряхлый старец, от неимоверной тяжести опустивший плечи, покосился, словно проваливаясь под землю. Загородку давно растащили, а то, что от неё осталось, было никому не нужно – всё равно гниль да труха. Пространство вокруг дома заполнил высокий, неприступный для Любочки, бурьян. Этот дом стоял выше остальных, и как только девочка просеменила мимо него, она начала спуск под бугорок. Колодец был почти посередине деревни, прямо на проезжей части, которая обрывалась у последнего дома, а возле колодца расширялась, обозначая простор, достаточный для того, чтобы это место жители называли «площадью» и, усмехаясь, добавляли: «С фонтаном».

При себе у Любочки ничего не было, во что можно налить воды.

Она покрутилась на месте – ничего не приглядела. И бросилась к себе во двор – уж там она обязательно что-нибудь съест, и желательно ненужное, чтобы не осерчала бабушка или не заругался дедушка.

Она прошмыгнула в распахнутую калитку.

На огороде копошились дедушка с бабушкой, а за забором деловито стучал молотком Бориска.

– Дед, Любаша объявилась, – услышала внучка радостный голос своей бабушки, Лидии Николаевны Теличкиной, и – перепугалась, потому что дядечка строго-настрого наказал никому о нём не говорить, он взял с неё слово! Это затрудняло дело.

Она развернулась и помчалась к калитке.

– Любочка, куда же ты? – закричала бабушка.

– Я к Бориске, – звонко отозвалась Любочка и скрылась.

Дед со старушкой успокоенными вернулись к своим занятиям.

Бориска что-то мастерил возле низкого сарая, выложенного из вымазанных смолой брёвен, и от того чёрного. Любочка любила Бориску и доверяла ему. Она всегда во всём на него полагалась, потому что он никогда не подводил. И почему-то теперь она подумала, что тайна о дяденьке на Бориску не распространяется, поэтому она тотчас всё ему поведала и попросила нужную тару с водой.

– Какой такой дядя в кукурузе? – насторожился Бориска. – Чего он там делает? Почему сам не идёт, если так невмоготу и хочется пить? Уж как-нибудь доплёлся. Авось, не далеко.

– Боря, ты не спрашивай меня. Я обещала. Он ждёт. Я пообещала, совсем никому о нём не говорить, – выпалила раскрасневшаяся, вспотевшая от быстрой ходьбы, сменявшей утомительный бег, девочка.

– Что? Как это, никому не говорить? Что за тайны? Никуда ты не пойдёшь! – Боря отложил молоток и взял Любочку за руку, чтобы отвести её домой под надзор деда и бабушки.

Любочка захныкала.

Бориска оцепенел.

Она никогда не плакала по его вине. Никогда.

Борис отпустил руку девочки.

– Что с тобой? Не хнычь! – Он присел возле Любочки, обнял её, стал гладить по голове. – Ты чего? Это же я, Бориска. Ты чего?

В ответ девочка обхватила его руками и горячо зашептала:

– Ты не обижайся Бориска, только ведь я обещала. Я должна, понимаешь?

– Ну, хорошо... Но я пойду с тобой.

– Нет! – возмутилась Любочка, отстраняясь. – Нет, как можно. Я должна одна. Он испугается, а я стану предательницей. Предательство – это плохо, Бориска. Ты же знаешь.

– Знаю. – Он глубоко вздохнул. – Но я боюсь отпускать тебя одну. Какой-то незнакомый дядька, неизвестно почему спрятавшийся в поле.

– Ты можешь пойти, – вдруг сказала Любочка. – Только тайно, чтобы он тебя не видел. Я ему скажу про тебе и тогда вы познакомитесь, хорошо?

– Так можно, – согласился Бориска

– Только ты раньше времени не показывайся. Уговор?

– Уговор.

Борис пожал ладошку, предложенную для заключения договора, и для пушей убедительности встряхнул её, и вдруг, отпустил, как делал это уже не раз, – это был их жест понимания и послушания, единства и верности слову. Любочка захихикала, потому что ей нравилось, как он это делает, – и рука летит куда-то без твоего ведома, и нужно время, чтобы суметь унять её полёт.

Бориска взялся за молоток, чтобы закончить прерванное дело.

– Надо идти, – сказала девочка. – Когда тебя кто-то ждёт, а ты всё не приходишь, тоже нехорошо.

Бориска серьёзно посмотрел на её чумазое личико, вытащил, всегда готовый для такого дела, запасённый платок и заботливо утёр её лицо. Ожидая конца процедуры Любочка корчила рожицы от недовольства задержкой, потому что надо было спешить.

– Подожди, возьму тару, – сказал Бориска и пропал в доме.

Он отыскал на кухне литровую банку и наполнил её колодезной водой из прикрытого крышкой ведра.

– Пошли, – сказал Бориска, вернувшись, и взял Любочку за руку.

Они вышли на деревню.

Не было видно ни одной живой души.

Где-то за дальним, крайним домом хрипела гармоника, с которой никогда не расставался беспробудный пьяница Сева по прозвищу Абы-Как.

Был полдень. На небе – ни облачка.

Четырнадцатилетний мальчик в допотопных спортивных штанах, растянутых во всех нужных местах, и в белой майке, и пятилетняя девочка в лимонном платьице, оба босые, держась за руки, поднялись на небольшую горку, укрывающую Тумачи от взоров жителей Житино, и, торопливо перебирая ногами, попылили по просёлку.

- Где он? – спросил вдруг Бориска.
- Он в шалаше был, – отозвалась Любочка.
- А он может оттуда выбраться, как ты думаешь?
- Чтобы следить?
- Ну да...
- Наверное, может. Ты давай, иди по кукурузе, – распорядилась девочка, – чтобы не видно, а я пойду по дороге.
- Понял.
- Отдай воду.
- Понял. Держи. Не разлей.
- Не разолью, не бойся, не маленькая.

Так они и продолжали движение: девочка, перебирая маленькими ножками, спешила по просёлку, а мальчик, скрывшись в высокой кукурузе, пробирался параллельно, не отставая.

Неизвестный мужчина, напугавший Любочку, которому она несла воды, сидел возле дороги, скрываясь за двумя рядами жирной кукурузы, и упёрто противился накаत्याющему, обволакивающему вязкой паутиной желанию спать. Он нервничал. Он боялся, что маленькая девочка расскажет про него взрослым. Тогда он погиб.

Он следил за дорогой.

Он понимал, что должен быть готов к быстрому отступлению, но, утомлённый немалым расстоянием, которое он преодолел за последние дни, истощённый, толком не спавший третьи сутки, он то и дело терял внимание... он сосредоточенно поднимал чугунные веки... некоторое время соображал, зачем он это делает... вспоминал, и возвращался взглядом к дороге... но веки снова опускались.

– Только не спать. Не спать. Мне нельзя спать, – талдычил мужчина, надеясь, что собственный голос приведёт его в чувства.

Когда на просёлке появилась девочка, но теперь с банкой воды в руках, он успокоился.

Она была одна.

Он немного последил за ней.

Никто не появлялся.

Он застонал, приподнимаясь, разворачиваясь, и пополз в глубину поля, к шалашу.

Дяденька в кукурузе был каким-то странным: грязный, плохо пахнет, на лице ссадины, кажется больным и ошалевшим, голос сипит-хрипит, нет двух передних зубов, а ещё два – золото! И он был маленьким, не выше Бориски. Любочке только теперь припомнилось всё это.

Девочке стало страшно и неудобно, как при первой встрече с мужчиной.

Она поискала глазами Бориску.

Мальчик был рядом, но отстал, потому что Любочке пришло время сворачивать вправо и входить в кукурузу, чтобы добраться до шалаша.

Бориска махнул рукой, иди, мол. И Любочка исчезла в высоких сочных зарослях необъятного кукурузного поля. Она крепко сжимала в руках литровую стеклянную банку с колодезной водой.

– Вот спасибочки тебе, деточка, выручила, – прохрипел дядя.

Он лежал в шалаше, головой ко входу. Шалаш был построен детьми, и потому был маленький. Дядя тоже был не велик ростом, но всё же помещался в нём с трудом.

Взяв из рук девочки банку с водой, он стал жадно пить, громко глотая, от чего Любочке сделалось неприятно и как-то брезгливо. Она сдвинула бровки.

Напившись, дядя брызнул водой на лицо. Раз, и ещё, и ещё. Он растёр влагу рукой. Лицо у него совсем перепачкалось. Он вытерся рукавом. Поразмислил над остатками воды и вылил их на скошенную в бок голову – по правому уху и по шее потекла обильная грязь. Дядя потрепал мокрые волосы и протянул банку.

– Спасибо, – сказал он. – Долго я шёл – устал. Да и жарко сегодня. Прямо такое адское пекло. Как тебя зовут?

– Любочка, – ответила Любочка, забирая банку и прижимая её к груди, словно прячась за ней или ища утешения, а то и радуясь, что её собственность вернулась обратно. – Я живу вот здесь, недалеко.

– В маленькой деревушке?

– Да.

– И как называется это прелестное место?

– Тумачи. А в другую сторону – большое село Житнино. Вы оттуда?

– Эээ... не... м... да! Я оттуда.

– А почему Вы здесь? Почему Вы не идёте домой? Вы устали? А куда Вы ходили?

– Стой, стой! Куда понеслась? Ишь, какая шустрая. – Дядя улыбнулся. – Выпил я вчера с приятелями, понимаешь? Поехали кататься. Ну и заехали куда-то за поля, а возвращаясь, они про меня забыли. Что мне надо было делать? Я пошёл через эти бескрайние поля. Всё кукуруза, одна кукуруза, тянется и тянется, – рассказывал дядя. – Чуть с ума не сошёл. И натолкнулся на шалаш. Как оказывается, немного не доплёлся до дороги. Лёг я тут и заснул. А тут – ты, и песни поёшь. Я и проснулся. Понимаешь? Всё никак не дойду. Такие дела. Сушняк долбаёт.

– Аааа, – понимающе протянула Любочка.

– Голова трещит, горло ссохлось, – произнёс дядя. – Хоть ложись да помирай.

– Щас бы пожрать да хорошенько всхрапнуть, – мечтательно добавил он, изображая безразличие к девочке, будто бы и нет её рядом.

Но пущенные на воздух слова, якобы никому не предназначенные, а лишь отобразившие его помыслы, самым прямым образом имели отношение к девочке. Несмотря на её малый возраст, он надеялся, что сможет получить от неё и эту «божескую милость».

– Вы хотите кушать?

– Ага, – дядя оживился. – Жутко сводит живот. Было бы чего, я слопаю хоть лягушку.

– Я лягушек здесь не видела, – сказала Любочка, удивляясь. – Я могла бы чего-нибудь принести, только бабушка с дедушкой не позволят, если увидят.

– Бутербродик можешь? – жадно спросил дядя. – С колбаской! Ты возьми, вроде как для себя и живенько ко мне, – посоветовал он. – И ещё бы зелёного лучка для полноты композиции, а?

– Я не знаю. Меня могут больше не отпустить. Мне самой пора обедать, а я вот, убежала к Вам.

– Да? – дядя растерялся. – Ну, тогда приходи, когда сможешь. Только помни наш прежний уговор: никому – ни слова.

– Хорошо. А почему?

– Да, видишь ли, я хочу вздремнуть. Спокойно тут. Отлежаться хочу. Сил накопить. А как приду в норму, так ворочусь домой. К жене, к детишкам... Меня ведь обязательно станет пилить жена, потому что ночью я был неизвестно где. Такие дела. Никакого покоя не будет. – Он смотрел на девочку с надеждой. – Мне надо сперва отдохнуть. В Тумачах меня знают, и могут донести ей, и она прибежит. – Дядя вытаращил глаза. – Ты представляешь, что тогда будет? Уууу... страшно представить. Она у меня такая, что только держись. Хоть сковороду под портки подкладывай, чтобы не больно было. Она может так разойтись, что мало не покажется. Понимаешь?

– Понимаю. Бедненький дядечка. Но это нехорошо. Не надо пить и ходить неизвестно где. Жену и детей любить надо.

– Да-да, – поспешно сказал дядечка. – Ты иди, и никому не говори, а я спать буду. Правда, натошак не особо поспишь. Ну да ладно, чего же поделывать... а то принесла бы чего, а?

– Не знаю...

Всё это время Бориска сидел на почтительном расстоянии. До него долетали лишь отдельные слова. Он не продвигался дальше, боясь быть услышанным. Бориска посудил, что, если что-то случится, он это либо распознает по доносящимся движениям, либо Любочка вовремя о нём вспомнит и позовёт. Но всё же Бориска колебался: показаться?.. или не стоит? Зачем себя обнаруживать? Вот если Любочка проговорит с дядькой ещё нескольких минут, тогда можно озаботиться и крепко задуматься. Но, когда ушей Бориски достигло слово «обед», он лишился всяких сомнений.

Мальчик отодвинулся на десять метров от занятого места, повернулся к деревне, сложил ладони лодочкой и поднёс их ко рту, прокричал:

– Лю-ба-ша! Ты где? – Немного помолчал. Немного повернулся и добавил: – Пора обедать! Лю-бо-чка, спешి домой. Ты где? Это я, Бориска.

Борис помедлил, поднялся и двинулся по меже.

Кукуруза была выше мальчика почти на поднятую руку. Она шуршала и легонько поло-совала открытые участки кожи жёсткими листьями, которые были словно корабельные вымпелы на мачтах, и некоторые достигали едва ли ни метра в длину.

Как только прозвучал голос Бориски, Любаша перепугалась. Она подумала, что Бориска её предал.

Но тут же сообразила, что это он *будто* бы зовёт её на обед, и расслабила пальчики, туго обхватившие стекло пустой банки.

Мужчина тоже струхнул. Он напряжился, словно изготoвился дать стрекоча или совершить прыжок. Он сурово посмотрел на девочку.

– Это... это Бориска, – сказала Любаша. – Он мой сосед. Очень хороший сосед. И очень хороший друг и товарищ. Он меня так любит, так любит. И я его люблю.

– Сколько ему лет? – быстро спросил дяденька.

– Ему четырнадцать годочков. – Любочка постаралась показать это на пальцах, но запуталась, потому что требовалось слишком много пальцев, а у неё столько сразу не оказалось. Тогда она смутилась и с гордостью добавила: – Он уже большой! И очень-очень самостоятельный, так говорит моя бабушка.

– Надо же, – проговорил дяденька и отступил за шалаш, тем самым выдвигая на передний край малюсенькую девочку Любашу.

Появившегося Бориску Любаша встретила приветливой улыбкой.

«Милое дитя, – в который уже раз подумал мальчик. – Такое беззащитное».

– Вот ты где. Я так и знал, что ты где-нибудь здесь, – сказал Бориска и тут же переключил внимание на незнакомца. – Здравствуйте! – сказал он. – Вы кто?

Незнакомец произвёл на Бориску очень неприятное впечатление. Во-первых, мужчина был до безобразия грязен. Во-вторых, одежда, помимо грязи, была незначительно, но подрана в нескольких местах. В-третьих, был он не выше метра шестидесяти, да и то, если хорошенько выпрямится, то есть мал ростом, но крепкий, плотный, широкоплечий – коренастый, – жилы и вены так и выпирали на его смуглой, словно обожжённой неумеренным количеством солнца, сухой, как бы обветренной или истерзанной морозами, коже. В-четвёртых, руки у него были непропорционально длинными: они неловко болтались вдоль туловища, – а ноги – коротки и, как у младенца или кавалериста, расклячены – колесом, – такой своеобразный нелепый медвежонок. В-пятых, у него был плохой – тяжёлый, неприятный, свербящий – взгляд глубоко поса-

женных маленьких чёрных глазок, а над ними нависали массивные надбровные дуги – волос на них дыбился и кустился, а лоб – низок и круто скошен от линии волос, которые были черны, толсты, жирны и прямы. В-шестых, нос был вздёрнут, он выпирал маленькой пуговкой или кнопочкой, уши – маленькие, мясистые, рот – широкий, с плотно сжатыми тонкими губами – две бледно-синие струны, выгнутые опавшим усом, а подбородок выдавался вперёд скромным клинышком.

Мужчина вроде как улыбнулся, возможно, приветствуя пришедшего, и эта улыбка очень походила на оскал. К тому же она обнажила его редкие мелкие зубы, среди которых один резец, точнёхонько посередке и сверху, был наполовину косо сломан, два зуба внизу – вовсе отсутствовало, а ещё два в верхнем ряду справа – сверкало на солнце золотом. Всё это усугубило первое впечатление и вызвало в памяти образ обезьянки макаки.

Бориску потянуло сказать: «Не щерься!»

На вид ему было около сорока лет.

Ничего хорошего мужик не предвещал и уж подавно – не обещал. Но Бориска не торопился судить о человеке по внешности, при этом не забывая о предосторожностях. «Всегда будь начеку, – не раз поучал его отец, оставляя Бориса одного в доме на долгие недели, – не доверяй глазам и разуму. Смотри вглубь, вслушивайся. Слушай и себя, и чужого, что тот чувствует, что думает, что подразумевает».

На левой щеке и на шее мужчины было несколько поверхностных длинных царапин, будто стегануло веткой, и не раз. Руки – также ободраны. Повыше мочки левого уха – ступок крови. На лбу – кровоподтёк. Ноги стоптаны до многочисленных волдырей (мужчина был бос), а большие пальцы перевязаны тряпицей, и ей же перебинтована середина правой стопы. На груди синели наколки: из-под рубахи выглядывали купола с крестами и подмигивала простоволосая мягкая девица. На нём были *настоящие* джинсы и высококачественная тёмно-коричневая рубашка с высоко закатанными рукавами. Кремовый пиджак из льна и буро-красные туфли на высоком каблуке валялись в глубине шалаша. Небольшое пузико обтягивал жёлтый ремень из кожи с внушительной пряжкой-бляхой, на которой был изображён орёл.

– Здравово, пацанёнок! – весело сказал мужчина и пошёл к мальчику.

Шёл он вразвалку, широко махая длинными руками, – проворно, уверенно переваливался, как тот же медвежонок, или сошедший на берег матрос, или кавалерист, не слезавший с коня неделями, а может, как небольшая горилла.

«Макака!» – напомнил себе Бориска.

– Здравово, коли не шутишь, – сказал он уверенно и уверенно пожал грубую широкую ладонь.

Хотя Бориску уже давно нельзя было причислить к пацаняткам, которые относятся к хлипкому десятку, он поёжился от цепкого, твёрдого рукопожатия незнакомца.

«Силён. Точно, это горилла, а не макака. Только вот нос и всё остальное».

– Чего такой задумчивый? – бойко спросил мужчина и вцепился взглядом в глаза мальчика. – Твоя девчушка?

– Моя. Моя соседка.

– Хорошая соседка. Умненькая, помощница, умеет слушать старших. Вот мне водички принесла напиться, – мужчина показал на пустую банку. – А то, понимаешь, сушняк долбаёт! Перебрал вчера... знаешь, как это бывает? Вот, маюсь: башка трещит, всё тело ломит, прямо-таки разваливается. Сил нет до дома дойти. Хотел поспать в вашем шалашике. Силёнок подкоптить, очухаться, как оно там следует. Разрешаешь, а, браток?

– Чего же?.. Спите. Пожалуйста. Нам не жалко. Я думаю, никто из ребят ничего против не скажет. – Бориска нарочно упомянул о каком-то мифическом полчище непонятных ребят. – Любанька, нам ведь не жалко? Пускай дяденька отдыхает, правда?

– Ага! Пусть отдыхает, – сказала Любочка. – Только он, бедненький, кушать хочет.

– Неужто?

– Не отказался бы! – отозвался дяденька, стараясь казаться расслабленным и весёлым, и потрепал девочку по головке, улыбаясь.

«Лучше бы он этого не делал, право слово: не его это, улыбаться!» – подумал Борис и спросил:

– А Вы хотите задержаться здесь надолго... чтобы нуждаться в пище?

– Понимаешь, какое дело... – Незнакомец потрогал мочку уха и наморщил лоб – соображал. – Тут произошла такая неприятная история, что даже не знаю, как теперь быть и что делать... Может, подсобишь, поможешь чем? Как ты на это смотришь? Можно же помочь человеку, попавшему в сложное положение? Чуть-чуть.

Бориска пожевал губами, поводил глазами – это он набивал себе цену, мол, не желаю утруждать себя чужими проблемами. Сказал с ленцой:

– Оно, конечно... оно можно. Только, смотря что.

– Это понятно, браток! – возликовал незнакомец-макака-горилла и в знак одобрения ударил Бориску по плечу. Да ударил так, что Бориска просел и перекосялся от боли, которую он постарался скрыть за миной неудовольствия от этакой фамильярности. И попытался отвести плечо. А мужик продолжал: – Может, девочку того... ну, проводить на обед? Пускай себе идёт, а мы тут не спеша по-мужски поговорим? – Он сощурился, а ладонь его так и лежала на плече мальчика, цепко держа его.

Борис всё понял.

– Любочка, тебе не пора обедать? – Бориска присел перед девочкой. – Тебя уже давно ждут бабушка с дедушкой и никак не дождутся. Серчать станут. Иди домой. Поешь и ложись спать. А как проснёшься, я к тебе приду, договорились?

– Договорились!

Любочка придирчивым взглядом измерила столь разных представителей противоположного пола.

– Пока, дяденька, – сказала она и побежала между рядов кукурузы, по вполне вольготной для её малых размером меже.

– Ну, что? Сядем? – предложил незнакомец. – Меня, между прочим, зовут Костей. А ты, значит, Бориска?

– Да. Борис.

– Ну-да, ну-да, извини! Борис.

Они сели перед шалашом на подстилку из листьев кукурузы, на солнцепёке.

– У тебя, Борис, случайно, покурить не найдётся?

– Нет. Не курю. Но пробовал, – быстро добавил мальчик.

– А можешь достать?

– Бежать? – Бориска скорчил возмущённую рожу. – Я что, похож на бегуна?

– Не обижайся. Тут вот какое дело, Борис. Я надумал на несколько дней задержаться в ваших краях, то есть вот здесь, в шалашике.

Костя и Боря внимательно посмотрели друг на друга: один ждал реакции и вопросов, другой растерялся, недоумевая, и слыша на периферии сознания тревожные звоночки.

Борис молчал.

Незнакомец не выдержал, продолжил говорить:

– Ты хотел бы спросить меня, зачем? Зачем мне это надо? И я тебе отвечу как на духу: мне надо скрыться от разъярённых мужиков, с которыми я вчера здорово повздорил. Такие вот дела.

Выяснилось, что фамилия Кости: Бобров. Ему – 36 лет. Деваться ему некуда, потому что он – сезонный рабочий, а не житель Житнино. Он думал немного пожить и поработать в тамошнем богатом селе, чтобы подкопить денег.

– Ты, я гляжу, парень серьёзный. Взрослый. Должен понять меня, – говорил Бобров. – Жить в селе можно, работать можно, но без женщин – никак нельзя. От них – вся мужицкая сила! – Он сжал кулак, потряс им. – Во! От чего она? От баб. Понимаешь? Без баб – никуда. Хоть волком вой. Чахнешь. Так что... Я приглядел одну. Сошёлся. Правда, у неё муж... не хорошо это, помеха. Да только она не прочь, а я и подавно не прочь. Что мне? Мне бы бабу. А тут така-а-ая краля. И сама лезет! Представляешь? Ты же видишь, что особенной красоты у меня нет. Похвастать не могу. Чего скрывать? Потому сомневался я недолго. Скажу больше, вообще не сомневался. В охапку да на кушетку. Всего делов-то. И какое же это удовольствие, а-ах! Не девка, а конфетка. – Костя Бобров со вкусом поцеловал щепоть пальцев. – Стали мы встречаться. То тут, то там. По всякому. Где придётся, где безопаснее. Ведь на селе вы какие? Выломал доску из забора и давай вершить дела. Так ведь? Всё скоро у вас, всё лихо. Ну и вот, застукал нас муженёк её. И тут такое началось. Поналетели его дружки. А все пьяные в хламину. Я одному – в зубы, другому – в тык, а их – прорва. Не одолел. Что с ними поделаешь? Накостыляли мне. Вот, браток, теперь отсиживаюсь здесь. Еле унёс ноги. Такие вот дела. – Бобров помолчал. Вздохнул. Пошевелил грязными, почему-то истоптанными, пальцами ног. Последил за их змеевидным движением, волновым. – Хочу переждать, чтобы утряслось, – сказал Бобров. – Денег у меня нет, паспорта нет. При себе ничего нету. Всё осталось на хате. А возвращаться – это подписывать себе приговор, под вышку подводить. Оно, конечно, может, обойдётся, но лучше, если переждать. Так? Как ты мыслишь?

– Уж лучше тут сиди, – сказал Бориска. – Ведь и правда вышибить дух могут. Могут. Если пьяны, злы и поймают.

– Вот то-то и оно, что могут, – согласился Бобров и снова вздохнул. Помолчали.

– Трушу я, парень, – сознался Костя Бобров. – Да, трушу. Стыдно мне за это. Но ничего не попишешь. Побаиваюсь я их. Пушай успокоится. Тогда я зайду в село, прихвачу свои пожитки и дёру. Утеку куда подале. Куда глаза глянут, туда и отправлюсь. Видно, такова моя доля. Нигде не приживаюсь. Скачу с места на место – ни дома у меня, ни семьи, даже нет постоянной верной женщины. —

Костя пристально посмотрел на Бориска.

Тот не выдержал – отвёл глаза.

– Э, паря! – воскликнул Костя. – Я тебе больше ничего не скажу. Я так погляжу ты парень бравый. Ты ещё чего доброго вздумаешь помогать мне. Пойдёшь добывать мои пожитки и документки. И сцапают тебя, и выведуют, где я сижу. Тогда, ох, плохо мне будет, ох, плохо! – Он затряс головой. – Не надо туда соваться раньше времени, ой, не надо! Не будешь геройствовать? Не надо. Прошу тебя. Забудь. – Костя неожиданно вскочил и, шмякнувшись на колени, весело так, по-дружески открыто и даже как-то ласково заглянул мальчику в глаза. – Да ведь мне ни к спеху. Не о чем переживать. Я бывал не в таких передрягах. Я могу тут перекантоваться. Смотри, какая прелесть. Лето, зелень и всё такое прочее. А если ты мне пособишь, тогда вообще лафа. Ну, знаешь, какой едой, может, какой старой одежкой... Посмотри, какой я обтёрханный. Поможешь? Всего пару-тройку дней. Не больше.

– Наверно, – неуверенно произнёс Бориска.

– Но только *молчок!* Обо мне не должна знать ни одна живая душа. Даже в твоей деревне. Разве что кроме твоих дружков, которые самые проверенные и надёжные. На которых можно положиться. А то упомянут обо мне в селе, и всё! Пиши пропало. Хана. – Бобров, которого про себя Бориска начал называть «Бобёр», положил длинные и крепкие руки на оба плеча мальчика. Встряхнул его для бодрости и чувства спайки, единства. Ухмыльнулся. – Взрослым – ни-ни, молчок. Ясно? Ты же не станешь доносить на бедного Костика Боброва?

– Зачем мне? Не стану.

– А сможешь перекантоваться?

– Помогу... чем смогу.

– Вот это правильно. Мне многого не надо. Чем сможешь, и за то скажу спасибочки.

– Поесть бы мне, Борис, да завалиться спать, чтобы бока полечить. Но, натошак, ну, никак не спится. Живот урчит – каши просит, хе-хе.

– Ладно, – с ленцой сказал Бориска и ещё ленивее поднялся. – Пойду погляжу, что у меня есть.

– Во-во, иди, погляди. И если сможешь, побольше принеси. Жуть как жрать хочется.

Бобёр ослабил.

«Мерзость какая, – подумал Бориска про его ухмылку. – Но помочь мужику надо. Не виноват он, что такой не... непрезентабельный, что ли? Я же не вошь. Я понимаю».

Бобёр опрокинулся набок, опёр голову на руку, и продолжал улыбаться, провожая взглядом неуверенно уходящего, часто оглядывающегося мальчика. Он поднял кулак в знак приветствия, единства и поддержки, мол, **NO PASARAN!** – они не пройдут, товарищ, держись, я с тобой и всё такое прочее, не дрейфь, мужик!

«Прямо выходит какой-то Ленин в Разливе или... или Охотники на привале, чёрт подери». – Бориску поглотила сочная зелёная кукуруза. Солнце плыло высоко в небе и жгло соломенную макушку мальчика. Кукурузные верхушки колыхались, обозначая его путь. Лист шуршал. Слежалая земля кидала под ноги сухие комья.

Выбравшись на просёлок, Бориска поспешил к дому.

Ему чудилось, что Бобров Костя наблюдает за ним из-за рядов кукурузы, что он крадётся следом.

Зачем? Зачем ему это надо?

Борис срывался на бег. Потом одумывался, шикал на себя, образумливал. И возвращался к быстрому шагу, но не оборачивался, чтобы проверить пугающее предположение. Он, конечно, отнесёт мужику еды и питья. И даже, наверное, выберет что-нибудь из старого тряпья – для одежды и тепла на ночь. Но лучше поскорее с этим покончить, чтобы вернуться к прерванным делам, в свой двор, к своему дому. И всё основательно взвесить, обо всём подумать неторопливо, без нервов.

Бориска не оборачивался, и потому не видел, что за ним не только наблюдают, за ним идут, идут по пятам, ускоряя шаг тогда, когда он начинает бежать. Но за ним шёл не мужик, а дородная женщина с утомлённым лицом, на котором ещё проглядывала былая привлекательность. Она направлялась из Житнино к Тумачам, когда увидела мальчика. Она вздрогнула, потому что шла именно к нему. Именно он был ей нужен, именно его она захотела увидеть. Она заторопилась, желая нагнать его и тут же остановить. Но мальчик то бежал, то проворно шёл, и женщине никак не удавалось покрыть разделяющее их расстояние. Да ещё эта длинная цветастая юбка, доставшаяся ей от бабушки, путала ноги и подметала дорогу – женщина запыхалась, запотела.

Она остановилась, сняла с головы платок, укрывавший забранные в пучок тёмные волосы, и утёрла лоб. Она громко выдохнула, подула запазуху белой блузы с короткими рукавами, украшенными дырчатыми рюшками, и, более не стараясь догонять мальчика, пошла прежде избранным шагом.

А за ней, как шишкарь-воришка, укрываясь по краям поля, пробирался малыш лет шести. Его вострый чёрный глаз так и горел, нацеленный в спину женщины, и нет-нет да перескакивал на широко качающуюся юбку.

Это был её сын.

И её сыном был Бориска. Её первым ребёнком, старшим. И самым любимым, в чём женщина уже давно не сознавалась даже сама перед собой.

Мать долго стояла перед холмиком, скрывающим Тумачи, переводя взбаламученное дыхание, собираясь с мыслями и отыскивая решимость, посеянную по дороге.

Наконец она поднялась на холмик и посмотрела на маленький тумачовский мирок, когда-то целиком и полностью бывший её миром.

В это время Бориска находился в доме, где уже многие годы жил с отцом. Он копался в чулане, отыскивая подходящее для мужика тряпьё. Мальчик отобрал: заброшенный старый отцовский железнодорожный китель, заляпанные краской стёганные штаны, одну пару дырявых, но пригодных для носки шерстяных носок и тяжёлые безразмерные башмаки.

Он помешкал, раздумывая. Ему было жалко шмоток, потому что всё-таки было неясно, что это за мужик, и как надолго он задержится в шалаше в качестве отшельника. А ты давай, носи ему одежду из собственных запасов. Устраивай его комфорт, заботься, чтобы ему было тепло.

Бориска изгнал из головы лишние мысли. Они только мешались, ничем не помогая, и пошёл к холодильнику. Ему не требовалось шнырять по закромам. Он наперечёт знал съестное, что было заготовлено и хранилось не только в холодильнике, но и во всём доме.

Он положил в небольшую кастрюльку мятой картошки и три свежих, и два бочковых огурца. Он отрезал ломоть колбасы, кусман чёрного хлеба, выбрал вилку, что показалась похуже, и вместе с двумя яйцами, ещё вчера сваренными вкрутую для себя, завернул всё это богатство в газету. Он запихал добро и провиант в хозяйственный мешок – это для конспирации, и вышел под солнце на крыльцо.

Перед калиткой толкалось двое местных шалопаев и одна девочка. Бориска часто проводил с ними время, несмотря на то, что был старше их. Правда, было это не так уж и часто: в деревенской действительности ребята хорошо и умело развлекались самостоятельно, без надзора «старшего брата», как они бывало, посмеиваясь, величали Бориса.

– Бориска, ты чего делаешь? – закричала девочка, которую звали Катей. – Пойдём гулять!

– Куда? – отозвался Борис.

Трое ребят вошли к нему на огород.

– Мы хотим наведаться в Житнино, – сказал Саша Кулешов, – попялимся на городских или окупёмся в речку.

– Погнали, искупаемся! – поддержал Митя Потапов.

– Не могу, у меня дела. – Борис по-простецки бухнул мешок возле крыльца – вроде как там нет ничего особого, лишь всякий скарб и хлам для хозяйских дел. – Может быть, завтра?

– Да пойдём! Всё дела да дела... Сколько можно? – возмутилась Катя и легонько пнула мешок.

– Не трожь, – грозно сказал Бориска.

– Ты чего? – не поняла Катя. – Подумаешь. Чего ему делается?

– Всё равно не трожь. Чего тебе его трогать? Неймётся? Идите себе. У меня вон дверь вышиблена. Не видите, что ли? Ко мне ночью завалился пьяный урод Писаков, и стал буянить, просил денег на выпивку. Доделать надо, чтобы ночью никто не забрался ко мне в постель, ясно?

– А-ааа... – протянули ребята, от любопытства и уважения к смелости и самостоятельности Бориски, разинув рты и заблестев глазами. – Это надо. Делай. Мы пошли?

– Давайте. До завтра.

– До завтра! – задорно сказала Катя и побежала вперёд.

И остановилась. Вросла в землю.

Перед калиткой стояла раздумывавшаяся мать Бориски.

– Извините, – пролепетала Катя и протиснулась мимо женщины.

Саша с Митей ещё не дошли до калитки, а потому они остановились и оглянулись на Бориску. Но тот ничего не замечал. Он шуровал в мешке, проверяя, не перевернула ли Катя кастрюльку с харчем для мужика.

«Надо было кастрюлю обернуть кителем, – корил себя мальчик. – Хорошо, что она ударила по дну. Удар пришёлся по шмотью. А то крышка могла бряцнуть».

– Борис, – прозвучал голос.

– Что? – отозвался он, не глядя.

– Тут... тут к тебе пришли, – сказал Саша.

Борис отвлекся от мешка, выпрямился и ноги у него стали ватными.

– Вы... вы... – обратился он к ребятам, – по стойте, не уходите.

– Не, мы лучше пойдём, – сказал Митя.

– Да погоди ты! – зашипел Борис. – Дело у меня к вам. И только. Я вас прошу не в свидетели, а для поручения, исполнителями, ясно?

– П-понятно, – сказал Саша и толкнул Митю плечом в его сторону.

– Вот, – Борис протянул им мешок. – Это надо отнести к шалашу. Ну, к тому, что в поле, близко от дороги. Который вы построили неделю назад.

– Понятно, понятно. – Митя был заинтригован. – А что тут? Зачем это? Ты же говорил, что у тебя дела, поэтому ты не пойдёшь...

– Слушайте и не перебивайте, – прошептал Борис и придвинулся к мальчикам.

Катя ожидала приятелей, топчась за спиной женщины, продолжавшей стоять возле калитки. И Катя не вытерпела. Она неловко протиснулась между калиткой и женщиной и побежала узнать, о чём секретничают мальчики.

– Сегодня, – между тем говорил Борис, – ко мне пришла Любочка и сказала, что там какой-то мужик, и он хочет пить. Она обещала ему принести. Ну, я пошёл с ней. Понесли воды. Ах, чёрт! Мы забыли там банку. А я забыл взять воды. Надо воды набрать. Вы где-нибудь найдите чистую банку и наберите воды. Не забудьте. Вот. Там на самом деле сидит мужик. Он в селе охмурил какую-то женщину, и теперь за ним гоняется её муж. Этот мужик был сезонным работником, поэтому всё евошнее осталось в общаге или на дому у кого. Я не разобрал. Короче. Он хочет несколько дней пересидеть в шалаше, переждать, чтобы всё утряслось. И просил принести чего-нибудь поесть и для тепла. Я так понял, из одежды. Ведь, не смотри, что лето, ночи-то холодные. Особенно в поле. Я не отказал. Вот, собрал. – Бориска предъявил мешок и передал его Саше. – Берите и несите. Да! Не забудьте воды. Скажите, что я не смог прийти. И осторожнее там. Он какой-то подозрительный. Шут его знает, может, врёт, что какая-то там женщина, муж и прочее. Осторожнее, поняли? Особенно не спрашивайте, не суйтесь. Если завтра он по-прежнему будет там, тогда мы вместе его как следует расспросим или, в общем, как получится. Уяснили?

– Да, вроде... – прошептал Митя.

– А чо, чо он там, и правда, жить станет? – спросила Катя. – Здорово! – выдохнула она. – Вот бы мне так, а? – Глаза у неё загорелись.

– Ты не особо усердствуй, не гоношись, – сказал Бориска. – Ты его увидишь – вся спесь спадёт. Ещё тот тип. Держите уши востро. На рожон не лезьте. Я не шучу. Ступайте. У меня дела.

Ребята кивнули, из-под бровей взглянули туда, где стояла женщина, и, опустив головы, пошли к калитке и – мимо женщины, не поднимая голов, без слов, приветствий, и – к колодцу.

Долгих шесть лет Бориска жил без матери., с отцом, с Леонидом Васильевичем Шмаковым. Боря тоже остался Шмаковым, четырнадцатилетним сыном своего отца. Можно сказать, что жил он один-одинёшенек, потому что отец, как и всегда, работал машинистом: побыв неделю-две-три дома, он уходил, и возвращался через несколько недель. Бывало проходило целых полтора месяца, прежде чем сын снова видел отца. За это время отец мог побывать и в Молдавии, и в Узбекистане, и в Заполярье, и на Дальнем Востоке, – где угодно: снаряжён-

ные составы двигались медленно, долго, тянулись нескончаемой лентой, гудели, скрежетали и стучали сцепками, били колёсами по стыкам рельс, отмеряя пройденные метры, в конечном итоге пробегая тысячи километров по бесконечному маршруту: поля, леса, степи, горы, тайга, тундра – всё скопом, всё вперемешку. Будь то зима али лето, весна иль осень – дорога блестит двумя стальными линиями, гудит, стучит и уходит куда-то вдаль, теряясь за горизонтом или ближним поворотом... Так вот красиво и трудно жил его отец. И жил вместе с ним его сын Борис. А мать жила в другой семье. Вот уже восемь лет жила. Шесть годков было Боре, когда она сошлась с неким Толей Журавкиным из Житнино. Мал тогда был Бориска. К тому времени у мамы появился ещё один сынок. Родила она шестилетнему Бориске братика, – как выяснилось через несколько месяцев, от чужого папы. От Толи. Нагуляла, на стороне нашла новое чадо. Прознав про это, рассердился Леонид, отец Бориски, воспротивился интересам жены и завёл речь о разводе. Жена, Мария Петровна, не противилась: она была не прочь остаться жить при Леониде, а в его отсутствие навещать Толю, но раз так, раз всё открылось, так тому и быть. Она даже обрадовалась такому разрешению вредного для всех положения, потому как Толя Журавкин вёл оседлый образ жизни, а значит, он всегда будет при ней! Не то, что Леонид Шмаков. Уедет и – неделя за неделей проходят, а его нет, где только носит, с кем, что делает, о чём, о ком думает, чем живёт? Всё одно что чужой человек. Отвыкнет от него Мария, а он объявляется. А где ты был, спрашивается, всё это время, с кем якшался, кого любил? Почему твоя жена спала в холодной постели? Жила без ласки, внимания и помощи? Да с малым дитём на руках. Вот и подвернулся Марии, как выяснилось, нуждающейся в постоянном мужском внимании, Толя Журавкин. Он и обогрел, и приласкал её, и привадил к своему дому, ну и чужому, при отсутствии хозяина, помогал, и на кроватях мужниных жену его утешал... получился от того ребёнок. А Бориске невдомёк было, что дядя Толя – вражья морда, захватившая его дом и стремящаяся извести его родного отца!

Когда Бориске исполнилось восемь лет, он на постоянной основе поселился в родном доме, в *своём* доме: мать перестала забирать его на время отлучки Леонида в дом ненужного, противного Тольки. От Житнино до Тумачей путь близкий, – мать сама нет-нет да навещала в гости, поглядеть, что делает да как живет её дитя, и успокаивалась, если всё обстояло благополучно, или чем подсобляла, если, конечно, позволял подрастающий сын.

Не в восторге был Толя Журавкин от такого соседства. Не хотел он дележа Машинной любви между прежней жизнью и нынешней, между ребёнком от Леонида и двумя – уже! – детьми от него, от Толи Журавкина. Предпочитал Толя, чтобы Маша смотрела лишь за его подворьем, чтобы не думала о чужих хоромах, а блюла порядок в собственных. И Мария сдавалась. Правда, к тому времени Бориске шёл одиннадцатый годок – стал он совсем взрослым.

И теперь у неё от Толи аж три дитя: два мальчика и одна девочка. Девочка самая поздняя: два года минуло, как стала она смотреть на мир. А Толя стал откормленным боровом: вечно потный, с маленькими глазками, хитрый, подлый. Он имеет неудержимую страсть прибираться всё, что плохо лежит в селе и в окрестностях – тут же тащит в дом, в *свой* дом. Приучает жену с детьми к тому же. Мария его слушается, потому что побаивается, и остаётся при нём, и никуда не собирается: Толя всегда рядом, и оттого Мария довольная, а в доме – достаток.

Меж тем Бориска рос, дичал и серчал. И вовсе отдалился от матери. Марию это тяготило так, что временами к горлу подкатывал жгучий ком, и она, сколько бы не страшилась гнева мужа, шла в Тумачи, к своему первенцу, к Бориске.

И всё же годы жизни с другим человеком, в другой семье делали своё дело. Мать редко навещала Бориса и была холодна с ним при случайных встречах в селе, и уже не звала зайти в её «новый» дом, поиграть с братиками и с сестрёнкой. А Бориска и не хотел этого, потому что он... он ненавидел их: ненавидел сводных братьев и сестру, ненавидел Толю и... ненавидел мать!

– Зачем пришла? – запятав руки в карманы штанов, сухо спросил Борис.

Он продолжал стоять на крыльце, гордо задрал голову.

– Хотела на тебя посмотреть, – робко объяснила женщина. – Давно не видела... не говорила. Соскучилась. Как ты тут живёшь? Какой у тебя голос стал... мужественный. Совсем взрослый. – Мария шмыгнула носом, глаза заблестели, намокая от накатившей слезы.

– Ну... ну... не смей, – прошептал Бориска настолько неуверенно, что мать его не услышала.

Градины слёз покатались по щекам женщины.

Мальчик смутился. Какая-то неведомая сердечная мышца сжалась, и у него в груди гулко, часто заклокотало. Бориска не знал, куда деться. Зрелище плачущей матери в один миг изничтожило все его ненавистнические мысли, затаённые помыслы. Оказывается, он всё ещё её любит. Он в ней нуждается.

Мать торопливо вытирала косынкой предательские слёзы умиления и гордости.

Он хотел подойти, но не решался.

Она хотела подойти, но не решалась.

Так они и стояли: она плакала и украдкой поглядывала на его недовольство и смущение и, извиняясь, рассеянно улыбалась, а он жевал губы и не знал, куда деть глаза.

Один бог ведаёт, сколько бы они так стояли.

Но вот раздался истошный крик ребёнка.

И всё разрушилось. Или исправилось?

– Мам, мама, мамочка! – закричал мальчик. – Куда же ты пришла? Папа заругает. Он не велел к нему ходить. Мама моя, мамочка! Пошли, пошли отсюда. Домой пойдём, я есть хочу, я спать хочу. Я играть хочу. Я с тобой хочу быть. Ма-ма-ааааа! – Мальчик обхватил женщину и сполз по её ногам, и стал стучать по земле туго сжатыми маленькими кулачками.

Это был шестилетний Миша. Это он крался следом за Марией по обочине дороги: маленький, худой, ушастый, коротко стрижен, словно облетевший одуванчик, в одних трусах. Очень плаксивый и своенравный, избалованный мальчик. Он мог в любом месте ни с того, ни с сего поднять истеричный вой, слышимый на противоположной стороне села. Он мог топтать ногами, в исступлении прыгать и кидаться на мать, чтобы поплотнее прижаться к ней, чтобы никуда не отпускать, ни с кем не делить её внимания.

Бориска всегда смотрел на него с брезгливостью. И вместе с тем – с завистью. Он, пожалуй, тоже не отказался бы порой закатить истерику, вцепиться в мать, и никуда её не отпускать. Но, наглядевшись со стороны, как это некрасиво, он гнал от себя подобные мысли. При этом он знал наперёд, что никогда не стал бы так себя вести. Для этого Борис был слишком гордым.

Мать бережно взяла на руки своё чадо. И оно затихло. Женщина ушла с драгоценной ношей, позволяя слезам уже беспрепятственно стекать по щекам, орошая белую блузу.

Когда через час прибежала Любочка, Бориска ожесточённо орудовал молотком, загоня гвозди в дверь, разбитую пьяным ночным визитёром. Со сна Любочка была бодрa и шустрa, но она была опытна и внимательна, и сразу заметила, что с Бориской что-то неладно. Она притихла и села в сторонке, понаблюдала за его запальчивой работой, за его перекошенным от излишнего усердия лицом и занялась собственной игрой, которую тут же выдумала из гвоздей и щепок, щедро повсюду разбросанных.

Бориска до позднего вечера устанавливал на место дверь, проверял и подлаживал замок и щеколду с засовом. В этот день они никуда больше не ходили со двора.

Трое ребят, ушедших в поле, где-то пропадали до сумерек. Бориска вспомнил о них, когда на веранде у Потаповых начали собирать на стол для ужина и донёсся грозный голос главы семейства:

– Ты где пропадал? Тебе нечем заняться дома? Весь вечер нам помогала Вера, крутилась, как белка в колесе. А ты, балбес, где-то носишься. – И так далее.

Бориска понял, что Митя благополучно появился домой. Беспокоиться о ребятах не стоит. А подробности он узнает завтра. Только... всё-таки будет лучше, если он подойдёт к забору и прислушается к Кулешовым – дома ли Саша? – и приглядится к Петрошенко – где Катя? Все были дома.

Любочка отпомогалась бабушке и дедушке с поливкой посадок, поужинала и забралась в кроватку, перед этим пожелав спокойной ночи Бориске.

– Спокойной ночи, Любочка! – сказал Бориска, пожимая её маленькую ладошку через широкую щель в редком заборе. – Спи спокойно. Пускай тебе приснятся белочки и зайчики, ушастые такие и пушистые, весело скачущие и лужгающие семечки с орехами.

Девочка рассмеялась:

– Глупенький, – сказала она, – зайцы не глызут семечки, они любят моркошку и капусту.

– Верно-верно. Ну ступай, а то они без тебя всё схрумкают.

– Пока! – Любочка убежала.

Она ещё несколько минут шелестела своим тонким голоском, что-то рассказывая бабушке, покуда мылись ножки в тазике с согретой водой.

Потом всё стихло.

Лишь Сева Абы-Как играл у себя дома на гармонике.

На небе светили звёзды и неспешно поднимался месяц.

Выпала роса.

Существенно посвежело.

Пришла ночь.

Глава вторая Ночь сомнений

15 дней назад (12 июля, среда)

Любочке было жарко. Её мучили кошмары. Она беспрестанно возилась и скидывала шерстяное одеяло. Ночь всё длилась и никак не кончалась, казалось, ни конца ей не будет, ни края.

Бабушка с дедушкой крепко спали, напившись лекарств, не чуя беспокойства внучки.

А Любочка бултыхалась в каком-то подвешенном состоянии. Ей чудились потрясшие её формирующуюся личность события давно минувших дней, которые почему-то зачем-то мешались с только что прожитым днём.

... Всё было прекрасно. Она, как повелось в это лето, шла по просёлку, вдоль рядов высокой кукурузы, что шепталась лёгким шорохом под дуновением ветра, живя своей таинственной душевной жизнью. И Любочка подпевала ей тоненьким голоском.

Ослепительный июльский день ликовал, брызжа скупыми, но радостными красками. Ласточки кружили под самым солнышком. В сорняках прыгали кузнечики, порхали бабочки.

До ужаса самостоятельная, деловитая Любочка тихонько напевала о василёчках-цветочках, собирала ромашки и плела из них венки. Она отстранённо улыбалась миру, трогала травинки, жмурилась небу. Она ходила не просто так. Она ждала маму. Которая где-то тут, в кукурузе, затерялась, заплутала, но она обязательно выйдет и обнимет дочку.

Любочка оборвала несколько кукурузных листьев, стараясь выбирать покороче, так как многие не уступали в длине своей её росту, и занялась сотворением огромной куколки, чтобы поиграться самой, скоротать в ожидании время и порадовать маму.

Любочка дошла до шалаша, недавно сделанного мальчишками в поле, и устроилась возле него на подстилке, по-прежнему напевая, но теперь для различимой в очертаниях куклы. Две маленькие ромашки, обобранные от лепестков, пошли куколке на глазки. Любочка не могла сообразить, из чего сделать куколке ротик и носик, и поэтому занялась её платьем: «Клинышки кончиков кукурузных листьев станут юбочкой, как у папуасиков. – Решила девочка. – А на голову куколке пойдут нежные лепесточки початков и будут у неё роскошные длинные волосы».

За её спиной что-то с хрустом шмякнулось. Но, полностью отдавшись сотворению маленького чуда, она не обратила на это внимания.

– Цветочки аленьки, губки аленьки, птички быстреньки, а мы красивеньки, – нараспев приговаривала Любочка.

Позади что-то заскрежетало.

– А?! – девочка вынырнула из своего мирка. – Мама?

– Мама! Мама! – звонко закричала она, вскакивая на ноги и вертя головой.

– Чего орёшь, шмакодявка? – было ей в ответ.

Грубый, трескучий мужской голос потряс Любочку.

Она выпучила глазёнки и тут же отскочила от бурой руки, выпавшей из шалаша.

От страха Любочка так сильно сжала пальцы в кулачок, что смяла почти готовую куколку-великаншу.

Из шалаша появился, выползая на свет божий, подслеповато шура опухшие глаза, неизвестный мужчина. Это был тот самый, который позднее представится Костей Бобровым.

– Вода есть? Пить? – спросил мужчина, устраиваясь на том месте, где только что сидела Любочка.

– Нету, дядя, – сказала девочка.

– Плохо. – Он опустил голову, обхватил её руками и застонал. – Ты чего здесь распе-
лась? – прохрипел он. – Ты откуда? Мне бы попить. Можешь принести?

– Могу.

– Будь умничкой, принеси. – Дядя посмотрел на нее с надеждой. – Сделай божескую
милость. И никому про меня не говори. Это будет наш секрет.

Любочке очень хотелось спросить, почему не надо никому про него говорить, но она ещё
не отошла от испуга, поэтому ей было легче согласиться со всем, чтобы ей ни сказали, о чём бы
ни попросили. И она ответила:

– Хорошо, дядя.

– Это долго?

– Нет, дядя. Я быстро побегу.

– Ну, беги. И никому! Секрет!

Любочка кивнула и убежала за водой.

Она благополучно добралась до Тумачей и возвратилась.

Так было днём.

Но не во сне девочки.

Во сне она никак не могла выбраться из кукурузы. Она почему-то не побежала к просёлку,
а всё бежала по полю. И заблудилась. Дороги нигде не отыскивалось. Но она бежала, бежала.
Она хотела напоить дядю, облегчить его страдания. Дядя был страшный, но такой жалкий,
болезненный.

Любочка спешила. А поле не кончалось. Кукуруза шуршала и обжигала острыми
листьями.

Девочка утвердилась в мысли, что окончательно потерялась. Ей захотелось плакать,
и не столько от того, что она не может отыскать дороги домой, а от того, что в ней нуждается
дядя, а она вот тут, заблудилась, непутёвое дитя.

Остановилась Любочка, маленькая, растерянная, сжимая свою поломанную, помятую
куклу для мамы. Кукуруза нависала над ней, жалась к ней.

Темно. Уже пришла ночь. А Любочка стоит на прежнем месте.

Послышалось шуршание. Оно быстро перемещалось: туда-сюда, туда-сюда.

В кукурузе кто-то бегал.

– Кто там? – прошептала девочка.

Из-за туч выплынула полная луна. Вокруг стало светло, как днём, лишь резкие тени
мешали различать притаившийся мир.

Неподалёку кто-то бегал. И никак ему это не наскучивало.

Внутри у Любочки заглодело, и она, неожиданно для самой себя, пронзительно закри-
чала.

Мир накренился, повернулся и обратился днём.

От такой околесицы Любочка примолкла, удивлённая.

Вдруг из кукурузы прямо перед ней вынырнуло страшное, почему-то кудлатое лицо кар-
лика, шибко напоминающее морду макаки. Оно дыхнуло смрадом и прошипело:

– Ты кричишь или поёшь, сладкая?

Макака противно захихикала.

Любочка выпустила из рук самодельную куклу с жёлтыми глазами, сделанными из рома-
шек, и бросилась наутёк, проворно, как полевая мышь лавируя между толстых стеблей куку-
рузы, которые, что роща бамбука.

– Не убежишь, сладкая, – услышала она близко противный голос не менее проворного
существа. – Я всегда буду рядом. Теперь я – твой, а ты – моя. Хахаха... Я ждал, я долго ждал
воды, но ты не пришла, и я умер, околел, как шелудивая псина. Теперь – твоя очередь, сладкая!
Хахаха...

Маленький мужчина, похожий на макаку, неизвестно как возник перед Любочкой. Она со всего хода мягко ударила о его пушисто-волосатую грудь, как мячик отлетела назад и дрябнулась на попу.

– Отстань, отстань, противный, – закричала Любочка. – Я не хотела. Я шла. Я заблудилась.

Мужчина ощерился, навис над ней. Его глаза были глубоки и темны. Из его рта с никогда не чищенными сгнившими зубами дурно пахло.

У Любочки закружилась голова и...

Любочка уплыла из кошмара, перевернувшись на кровати на другой бок. Она отбросила по-детски пухлыми ножками назойливое душное одеяло.

И снова она среди кукурузы. И снова ночь. И за ней гонится карлик. Или мужчина, что словно макака? Она бежит сломя голову и не может убежать. Бесконечное поле. Не выбраться ей. Не скрыться.

– Это, это *тот* мужчина, – внезапно понимает Любочка. – Это *он* увёз мою маму.

Любочка резко останавливается. Её лицо суровеет. Любочка полна решимости. Она встретит ненавистного дядьку, именно *того* дядьку. Это он был тогда. Он не уйдёт от неё! Она всё выведает. Она сама его так испугает, что он всё тут же ей расскажет и... отпустит её маму, где бы он ни прятал её на этом огромном поле.

Она встретит его лицом к лицу, с гордой осанкой, стойкой, крепкой духом и преданной сердцем, беззаветно любящей девочкой. Против любви ничто и никто не в силах устоять. Она сокрушает любые преграды, пусть даже это гора Арарат с её заледенелыми каменными глыбами!

Существо (мужчина или макака?) уж было хотело броситься на Любочку, но увидало её решимость и завертело головой, осматривая её, задвигало ноздрями, обнюхивая её. Оно заскулило и оплыло мордой-лицом, сделавшись трусливой, жалкой тварью. Оно согбилось, опустило длинные руки, собираясь ускакать на четырёх конечностях. Любочка тут же схватила его за откуда ни возьмись появившийся длинный хвост и возликовала:

– Ага! Попался, мерзкий ублюдок. Теперь ты за всё ответишь, всё мне расскажешь. Говори. Ну же! Говори сейчас же. Где ты прячешь мою мамочку?

Подлое мерзкое существо заверещало так громко и так противно, что земля заходила ходуном, кукуруза закачалась, зашелестела, а у девочки заломило уши, отчего в голове заплескалось раскалённое железо.

Любочка провалилась в черноту.

Девочка завозилась в кровати. Она перевернулась на спину. Она перекинулась на живот. Нет. Неудобно, душно, горячо в постели.

Снова появились образы. Теперь кукурузное поле горело. Любочка видела себя с высоты: она мечется в сполохах огня, а где-то на краю охваченного огнём участка поля мельтешат две фигуры – это мама с дядей, похитившим её, увёзшим её от родной дочери в неизвестность.

Бориске спалось также плохо. Но он не мучился от кошмаров и не маялся в дремотной тягомотине. Он всё больше лежал и смотрел в темноту. Мысли, что слепни вокруг потной лошади, липли и кусали его столь назойливо и неприятно, что не было никакой мочи спать и видеть пустоту или чудеса подсознания. Бориска думал о Боброве Косте. В нём чувствовалась, прямо-таки осязалась, витающая над ним, что те же оводы, неправда. Бориску терзали сомнения: всё ли было именно так, как сказал мужик, или, может быть, он о чём-то умолчал?

«А почему? По какой причине умолчал? – спрашивал себя Бориска. – Но... почему только умолчал? Возможно, он вообще не сказал правды. Ни йоты правды. Всё – одна ложь! Ради чего? Ради спасения себя, и чтобы не напугать нужных ему пацанят-ребят. А зачем мы ему? Чтобы удобнее скрываться. Принесём еду, одежду, новости. От кого же он прячется? Что

он натворил? И вообще, почему я так думаю? Почему я не хочу ему верить? Какие у меня причины? Почему он меня так волнует? Плюнь на него. Пошёл он ко всем адовым чертям!»

«Не могу, – сознался Бориска. – Он близко, он рядом, и он, мне так кажется... способен на многое. Он – бывалый, матёрый зверь! А вот это надо проверить. Не гоже возводить на человека напраслину. Мало ли какая у него выдалась судьба. То, что боженька не дал ему молодецкой стати и красоты – не повод. Я тоже не красавец».

«У него хорошая одежда, – продолжал размышлять Бориска. – У него дорогие ботинки. Шикарный ремень. А говорит, что сезонный работник, нанялся на ферму, чтобы подзаработать денег. Странно. Он что, в таких шмотках ходит по Житнино? Странно это. Если решил жить на селе, будь добр, ничем особым не отличаешься. Если ты, конечно, не какая-нибудь шишка или один из этих... новых-богатых. Мужики гоняли бы его кольями только за один внешний вид, а уж за чью-нибудь жену – прибили бы на месте. Это уж как пить дать... Но какой же он всё таки низенький, страшенький, неказистый. Бобёр и макака в одном лице, ей-богу! Только для бобра, у него мелкие зубы. Но поломанные, – видимо, не знает, что можно, а что нельзя грызть. Тупой, что ли? И у него своеобразные повадки. Он старается говорить попроще, а нет-нет да вернёт словечко. Браток, он и есть браток. К тому же, очень вероятно, что ээк. На нарах сживал: осанка, походка, жесты, слова, взгляд. Пристальный жёсткий взгляд, впивающийся. И почти до крови стоптаны ноги. И наколки. Он был в рубашке, но то, что открывалось, вполне говорит о своём происхождении».

«Даааа... – протянул мысленно Бориска, – надо его прощупать и навести справки в селе. И последнее – в первую очередь. Это проще и быстрее. Может, он правду бает? Тогда остальное отпадёт. Или почти отпадёт. Всё же за его спиной проглядывает тюремное прошлое, а тут уж не знаешь, что от такого человека ждать. Так вот сблизимся, доверимся ему, а он придёт ночью, зарежет всех, возьмёт из домов, что можно, что глянется, а село спалит к едрене фене, к чёртовой матери...» – Здесь Бориска осёкся. Помянув мать нечистого, он вспомнил свою мать и её сегодняшней визит. Бориска погрузился, закручинился.

«Он и сейчас может прийти, заявиться, вломиться!» – Эта догадка как кипятком ошпарила мальчика, бывшего в темноте пустого дома.

«Хорошо, что починил дверь. – Он скосил глаза на чёрные окна. – И сделал вроде бы надёжно, лучше прежнего».

В деревне не горело ни одного фонаря.

Набежавшие тучи укрыли месяц.

Тумачи поглотил крошечный мрак.

«Жуть, – отметил факт Бориска и поглубже упрятался под ватное одеяло: нынче он не топил печь, и в доме было холодновато. – Завтра же, что смогу, то выпрошу. Непременно. А теперь надо постараться уснуть».

Он повозился.

С десяток минут полежал.

Сон не приходил. Мальчику мерещилась объятая пламенем деревня, и между домов бежит узанный им днём мужик, и никого другого нет в целой округе. Где же все? А они в своих домах. Лежат мёртвыми. Горят, превращаясь в прах.

«Жуть какая. – Бориска уставился в черноту. – Сейчас он там. В этой темноте. Среди кукурузы. В холоде. В сырости. Спит, что ли? Может, и спит. Уж очень плохо он выглядел днём. Был какой-то переутомлённый. Будто, и правда, шёл долго, далече, без сна, без пищи. В страхе, – добавил мальчик, – как загнанный зверь. В диком, животном страхе!»

Через несколько минут Бориска уснул. Но он ещё не раз просыпался и думал о мужике в поле.

Несколько иначе проходила ночь для Саши, Мити и Кати.

Бобров также не оставил их равнодушными к своей персоне. Каждый из ребят мог поручиться, что впечатление он произвёл неизгладимое.

Несмотря на несладкую, порой суровую жизнь, которая до известной степени их закалила, а скорее благодаря этому, не успев хорошенько узнать человека, в большей мере неосознанно они потянулись к той вольнице, к той дикой, удалой, разгульной, бесшабашной жизни, которая проступала в нём отчётливо. Она, как семафор в тумане, мигала подслеповатым красным глазом, которому вторил рёв гудка с приближающегося локомотива, предупреждая, оставившая и одновременно с этим маня, заставляя поскорее пересечь опасную черту и узнать, хотя бы чуточку почувствовать на собственной шкуре, что же находится по ту сторону, что же это за такая другая жизнь.

Другая жизнь, другой мир. Как сладки эти слова. Жизнь, полная свободы, отваги, где можно не зависеть от конкретного места или конкретных людей. И это вольное, решительное, дикое Бобров таил в себе, по какой-то причине усмиряя его, не давая ему выхода. Но оно в нём *непрерывно живёт!* И они об этом непременно узнают!

Ребята были восхищены его смелостью: в одиночку скрываться в незнакомом месте и привлекать для помощи неизвестных людей. Отринув прежнее, знакомое, жить в кукурузном поле! Не это ли они уже давно мечтают исполнить для начала своего славного, в этом не может быть никаких сомнений, самостоятельного пути? И вот появился человек, который это смог. Он знает каково выживать в диких условиях. Он наверняка уже не раз проделывал подобное. Это у него на лице, на морде, на рыле написано! И, если он тут задержится, если они сблизятся с ним, расположат его к доверию, открытости, он обязательно научит их всему тому, что умеет, может, знает, что с успехом применяет на практике.

Ребята чувствовали вдохновение.

Им грезились что-то вольное, отчаянное.

Обворожительный свежий ветер огромной долины, где они хозяева и господа, обдал их лица – и глаза загорелись весёлым блеском.

Пучеглазый и голубоглазый, с мясистыми губами, большими ушами, длинным овалом лица, с жиденькими тоненькими белёсыми волосёнками, словно выцветший под палящими лучами солнца, усеянный обильными веснушками, широкий в кости, высокий двенадцатилетний Сашенька Кулешов улыбался даже во сне.

В эту ночь мимика у него была многообразна: от удивления, потрясения и возмущения, до восторга и наслаждения. Ни разу его губы не переставали улыбаться, и ни единожды не было на лице намёка на страх. Он не боялся ничего и никого, потому что он был не один: рядом с ним, плечом к плечу, скакали на белогривых лошадях верные товарищи, борцы за свободу и независимость всего угнетаемого народа.

Они были справедливыми мстителями, скрывающимися в лесной глухомани. Во главе их подвижнического отряда стоял длиннобородый, сожмуренный невзгодами, низенький и брюхатый батька. Он, в высокой папахе, восседал на плюгавеньком мерине и указывал обнажённой саблей вперёд! И они скакали без вопросов и сомнений. Они сражались с супостатом, захватившим их землю, кров, пленившим, а то и погубившим их родных, любимых или чужих, но соплеменников. Бились, как говорится, не щадя живота своего.

Вся Родина кишмя кишела вражьей силой. Поэтому им было не одолеть её за одну отважную ходку-вылазку. И они отступали. Им было горько. Они стыдились своего бегства. Но они отступали, чтобы передохнуть и пополнить свои ряды. Они уходили от набежавших, объединившихся вражьи полчища, а те преследовали их, не отставали, надеясь уничтожить последний очаг сопротивления.

Саша никак не мог разобраться, кто же это такой, против кого они воюют и воюют не переставая, и неизбежно отступают, забиваясь в леса. Может, это ненавистные буржуины, а может,

иноземный захватчик? Или их вёл на подвиги, на освоение новых земель сам Ермак, который Тимофеевич? В конце концов это не важно! Главное, что была свобода, был азарт, была борьба за справедливость! И они многого, очень многого достигли в этой нелёгкой, опасной нескончаемой битве.

В часы затишья, отдыха они кутили в наспах сколоченных хижинах, затерянных в глухих лесах.

И опять наступали будни, но не серые: борьба за справедливость и свободу всех угнетаемых была для них праздником! Это был их долг. В этом была их честь. И умирали они с улыбкой на окровавленных губах, веря, что жертва их не напрасна: скоро, очень скоро восторжествует на земле всеобщее благоденствие. Оно обязательно случится!

Саша во сне замахал руками, кроша кого-то в мелкую стружку, улыбаясь при этом попростецки широко, так, как он умел.

Маленький, шуплый, с квадратной головой, с подслеповатыми мышинными глазками, в поломанных больших очках, вечно понурый, задумчивый двенадцатилетний Митяня Попов, в отличие от своего друга, не радовался ночным баталиям. Он был хмур, и даже – сердит и грозен. В своём сне он не боролся за справедливость, он не искал свободы для других: он не хотел радоваться тому, что где-то кому-то будет хорошо. Он жил для себя. Он бился для себя. И не просто бился, а мстил за личные обиды, оскорбления, совершая варварские, жестокие набеги на поселения, нападая на проезжающих по большой дороге и на одиноких путников с шайкой отвязных, потёртых, потрёпанных жизнью ребяташек. Митя над ними верховодил, он был их атаманом! А вместе они – обычные разбойники. Топоры и ножи – их верные соратники.

Никто среди них никому не доверял и всяк имел зуб на товарища. Не малого труда стоило удерживать их в повиновении. Но маленький, тщедушный Митя с достоинством справлялся со столь нелёгкой задачей. Он нещадно отрубал голову всякому отступнику, а за малейшее слушание наказывал пытками, среди которых было наилегчайшим получить с пяток батогов по голому заду. До чего же низменное отрепье стояло под его началом Они ржали над страдающим товарищем, завидев его зад, который трепыхался кисельной гущей. Ржали, не памятуя о том, что каждый из них может занять его место или уже на нём побывал.

«Ничтожные твари», – думалось атаману Митрофану.

Но он был такой же. Все они были одного происхождения. Лишь груз ответственности не позволял Митрофану расслабиться, не думать о вчера или о завтра, отдаться текущей минуте и ржать, ржать безобразно, но от души.

При экзекуции Митрофан был суров. Он смотрел оценивающим взглядом, думая о том, что через пять минут любой может оказаться на лобном месте. Такие думы владели атаманом не потому, что он был мудр, а потому, что он тревожился за своё место, с которого он может быть попрун в любой момент. Тогда его голова слетит с плеч и покатится по земле, орошая траву кровью. От почестей главаря шайки дорога для Митрофана одна – смерть! Не простят ему товарищи бывшего величия, не потерпят его рядом с собой новый атаман, которым мечтает стать каждый. Каждый!

Митрофан вглядывался, Митрофан пытался угадать зачатки страшных помыслов.

Митя быстро, как ящер, облизнул пересохшие губы и уснул крепче прежнего.

Он мчался на каурой кобыле. Ветер свистел в ушах, ветки стегали лицо, с неба падали холодные крупные капли, а ему было всё нипочём! За ним с гиканьем скакали, стараясь не отстать на своих клячонках, дружки-бандиты. Топоры и мотыги – высоко занесены. Вилы и колья – выставлены вперёд.

Была ночь, а может, день, всё равно! Они напали на одинокий экипаж. Они умертвили мужчин, надругались над женщинами, поклали на лошадей добро и пропали в лесах...

Они вяжут верёвками пленника. Они вздумали поглумиться над ним и оставить жить, чтобы мучился, помня поругание, претерпённое оскорбление. Нет! Это, пожалуй, не то, это скучно.

Атаман скачет к селению. Вылазка получилась незабываемой. Набег с разорением и сожжением ветхих лачуг удался во славу атамана. При этом никто не пострадал, ни одна живая душа. Все жители уцелели. Митрофан сегодня добрый. Но у атамана Митрофана есть страстишка к поджогам мирных селений. Он отчего-то ненавидит деревенскую жизнь. Может, он когда-то был крестьянином?

Митрофан напрягается, силится вспомнить. У него начинает болеть голова: трещит, разламывается, пухнет. Он дико взывает и кидается с кулаками на первого подвернувшегося бездельника. Он обрушивает ярость на стол, стул, миску, чашку, стену, плетень, забор – ему без разницы, ему всё равно на что напуститься, только бы не думать о прошлом, не копаться в причинах своей страсти к поджогам крестьянских изб и помещичьих усадеб.

Митрофан скачет по пустынной дороге. Он видит седого старца в исподней рубахе: то ли блаженного, то ли скорбящего. Он излишне смело бросается вперёд и в брюхо его каурой кобылы впивается длинный ржавый нож. Кобылица голосит всё одно, что баба в муках, и валится набок. Митрофана давит многопудовая туша. Он лежит ни жив ни мёртв, с вывернутой под нелепым углом ногой и почему-то задыхается.

Митя вскакивает на постели.

Он в обильном поту. Он тяжело дышит. Крошечные глазёнки смотрят и видят тёмную муть.

Митя зашарил рукой по стулу, нашёл очки. Судорожно нацепил их на нос.

Мир обрёл чёткость. Мите стало легче, дыхание восстановилось.

Митя поднялся и вышел из избы на крыльцо.

Он стоял, слушал звенящую ночь, содрогался от холода и думал о страшных злодеяниях, вершимых его рукой.

Возвратившись в дом, Митя напился воды и осторожно, чтобы никого не разбудить, улёгся в кровать.

Вскоре он снова скакал. Он мчался к лесу, что виднелся за полем, а за ним гнались солдаты, отряженные на поимку атамана-шайтана, сущего головореза, бича тамошних мест.

Маловатая для своих лет, светленькая, тоненькая, энергичная, полагающая, что она никак не растёт из-за того, что была зачата в дупель пьяной матерью и не менее пьяным отцом, тринадцатилетняя Катенька Петрошенко в своём сне плыла по искрящемуся океану на роскошной яхте, которую нанял её красавец жених на потеху своей избраннице. Благовоспитанная, чопорная, высокая, с пышными волосами, упрятыми под шляпу с широкими полями и перьями, в бело-розовом шёлковом платье с пышной юбкой, скрывающей стройные ножки в позолоченных туфельках, украшенная колье и серьгами с бриллиантами, она, уже взрослая женщина – этот специально выведенный элитный цветок, зазывно благоухающий для пролетающих мимо непоседливых шмелей, – она, прикрываясь кисейным зонтиком, прогуливалась по светлой палубе. Ей давно наскучили, и вода, и шхуна, и избранное общество, и приветливый, с обходительными ужимками, холёный красавец жених княжеских кровей. Её сердце сжималось от тоски. А океан по-прежнему был пустынен и судно замерло в штиле – понуро висели паруса. Солнце испаряло тонны воды. Катя задыхалась от избыточной влажности. Она сравнивала духоту тропических широт с банями в далёкой снежной России. Только здесь было очень ярко, так, что зажмуришься, а глазам всё равно больно от изобилия света. Ей хотелось раздеться и хотя бы чуточку перевести дыхание, расправив грудь, стянутую проклятым корсетом. И загорать! Нигде нельзя загорать! Где в этом средневековье несчастной девушке предаться маленькому капризу: подставить тело жарким небесным лучам?

«Угораздило же меня. Что я тут делаю? – сетовала мадмуазель Катя. – Надо уйти в каюту. Там тоже душно, но там можно раздеться и обтереться влажной губкой. И уснуть, разметавшись на койке. И попробовать выспаться. Наконец, выспаться, пока тихо, пока нет этой проклятой вечной качки».

Катя опасливо огляделась: мать с отцом дремали в шезлонгах, жених о чём-то деловито толковал с капитаном, матрос драил палубу на корме. Катя страшилась привлечь внимание своим уходом, потому что тогда придётся отвечать на глупые вопросы, придётся *искать*, что ответить и... вступить в *переговоры*!

Она прикрыла глаза и побежала к трапу.

«Скорее, скорее! Не останавливайся, никому не отвечай, никого не замечай. Беги, беги!» цок... цок... цок...

Катя захлопнула дверь каюты, заперлась и опрокинулась на кровать, позабыв раздеться. Её тут же обнял сон.

Она очнулась от голосов и возни на палубе.

В иллюминаторе плескался бескрайний океан – всё тот же, прежний. И также светило солнце.

«Верно, я спала недолго, – подумала Катя. – Что это за шум? Что случилось?»

Она поднялась, оправдала платье, прибрала под шляпу волосы, отворила дверь и вышла в узкий коридорчик.

– Ба-бах!!! Бах! Бах! – оглушительные пистолетные выстрелы, крик и омерзительное ржание.

Катя вздрогнула, похолодела.

Кто-то заслонил проём. Кто-то скатился по лестнице.

– Ах! – вскричала Катя, увидав перед собой безобразную рожу и почуяв дурной запах.

И лишилась сознания...

Катя проснулась в темноте избы. Она лежала, не открывала глаз и размышляла об увиденном во сне, и хочет ли она его продолжения? Катя решила, что хочет.

Она быстро ухватилась за ещё чудящиеся эпизоды ночной грёзы, поудобнее подложила руку под щеку и к своей радости тут же уплыла в удивительный, невероятный, нереальный мир.

– Какой трофей! Вот так пожива! – проорал дребезжащий бас.

Из прокуренных до хрипоты, пропитых мужских глоток донёсся грубый хохот.

Катя бултыхалась в луже солёной воды, ничего не видя, пытаясь подняться, потому что Катю окатили океанской водой, чтобы привести в чувства. Она протёрла глаза, встряхнула головой, чтобы убрать с лица мокрые волосы, и обомлела: перед ней возвышались, плотно обступая, пираты – исковерканные шрамами и болезнями беззубые рожи!

Катя была без шляпки, её мокрое платье бесстыже прилипло к телу, туфли где-то слетели и напоказ выставились кружевные штанишки.

Она подобрала ноги, поправила платье, укрывая даже кончики пальцев стоп в беленьких носочках, и, обхватив всё это богатство руками, зажалась. Она сидела и пялилась на залитую кровью палубу.

– Ладно, ладно, ребята, расходитесь, – послышался голос. – Занимайтесь делами. Нам пора сваливать!

Толпа распалась, а низенький капитан, у которого руки были непропорционально длинными, остался созерцать пленницу. Он подбоченился и, ухмыляясь, пожирал её глазами.

Катя потупилась. Покраснела.

Теперь она была добычей пиратов! Полностью в их власти, в их распоряжении!

Катя ещё больше сконфузилась.

Катя стала терять ориентацию в пространстве – перед ней всё поплыло, как во сне.

Во сне? Не уж-то подобное безумие может происходить на самом деле?

«Не сплю ли я? – подумала Катя. – Как такое может быть? Такого со мной никак не может быть. Это сон. Я скоро проснусь. Непременно надо проснуться. Непременно? Разве я хочу этого?»

Сон продолжался.

Капитан был малого роста, но был силён как бык. Он взял Катю на руки словно пушинку и бережно перенёс на свой корабль в шесть высоченных мачт. Катя вдыхала запах его пропитанного нечистотой, спиртным и табаком тела. Она старалась не смотреть на него. Она смотрела на матросов, лежащих в лужах крови, и не видела своих родителей, не видела жениха: что с ними, где они, неужели уцелели, спаслись?.. бросив, оставив её на растерзание пиратам?.. нет-нет, не может быть!

– Где мои мама с папой? – пискнула она в ухо капитана, которое когда-то давно было чем-то раздавлено.

– Ха, девочка! – воскликнул капитан. – Так те пожилые дама и господин твои родители? Сожалею, но все они за бортом, кормят акул! – Капитан остановился и обратился к подчинённым, шныряющим на шхуне: – Давайте быстрее, олухи. Пора делать ноги. Шхуну – на дно! Спать, ко всем чертям!

– Ах, – выдохнула Катя.

Она искала глазами хотя бы кого-то в океане. Но, кроме бороздящих водную гладь плавников, шляпки мамы и плетёных кресел, никого не увидела.

– Их съели акулы, – прошептала она.

– О, да, девочка! Их съели акулы. В этих широтах их полным-полно.

Катя была брошена на большую мягкую постель в богато убранной каюте капитана и оставлена наедине со своим горем.

Во сне Катя волновалась, осознавая себя запертой в полумраке каюты, ожидая хозяина, а его всё не было, и вокруг было тихо – неизвестность... Время тянулось, дни шли, а она была одна. Жара, пот, спёртый дурной запах стали неотъемлемой частью дня и ночи. Вдруг дверь распахнулась. Катя ослепла от света яркого дня... в котором стоял сильный, грубый, грязный, безобразный маленький капитан. Его лицо растёт, приближается, тянется к ней, чтобы...

Сон пошатнулся и обернулся: теперь Катя – госпожа над всеми пиратами. Она сидит в креслах на мостике, перед ней – столик с яствами. Она утопает в вычурных пышных одеждах. Она увешана драгоценностями. Она смотрит на дымящийся вдали корабль – последствия их набега.

Пираты подносят ей добычу. Но она придиричива. Она недовольна. Её ничем не удивить!

– Не сердись, госпожа, – трепещет какой-то бедолага, опустившийся перед ней на колени, не смея поднять лица.

Она толкает его ногой.

Бедолага падает, вскакивает и скатывается по трапу на палубу, спеша скрыться.

Капитан стоит у штурвала. Он смотрит на неё. Он улыбается. Она улыбается в ответ. Капитан складывает губы сердечком, приглашая к поцелую, – Катя очарована. Она тянется к его губам. Она не замечает, как поднимается с кресел, как идёт... губы капитана увеличиваются... они большие, обветренные, влажные... они всё ближе, они манят...

Катя просыпается.

Она лежит в недоумении.

«Я что, влюбилась? – думает девочка. – В кого? В этого капитана, который как две капли воды похож на Костю Боброва? В такого? Что со мной?»

Катя лежит. Она волнуется, стыдится, сомневается, не верит. Она снова и снова вспоминает сон и домысливает пробелы. Она находит в нём то, от чего ей радостно, что её греет и даёт надежду. Она хватается за это, успокаивается и засыпает. Катя спит крепко, ничего не видя, так, что остаток ночи пролетает незаметно, как один скачок секундной стрелки.

Утро было свежее и ясное. Солнце ласкалось теплом, обещая жаркий день.

Легко, воздушно, как маленькое пушистое облачко или кристально чистый ветерок, Катя выбежала на покосившееся, рассохшееся крылечко в дырявой длиннополой ночнушке и спустилась, босоногой озорницей, в мокроту росы, блестящую на травинках запущенного, неопрятного двора. Она нашла на неухоженной грядке молоденький пупырчатый огурчик и радостно похрустела им, с любопытством и удовольствием наблюдая приветливый тихий мир.

В затхлой избе, сотрясая бревенчатые стены, храпела её бабуля Евдокия, вечно хандрящая, недовольная старушка, не отказывающая себе в удовольствии припасть к чарке с вонючей, едкой водицей, которая тем лучше, чем больше в ней градус и крепче, непередаваемой аромат. Накануне Евдокия весь день пила горькую, угощаясь со стола, накрытого понурым и тощим Сергеем Анатольевичем Мишкиным, дядей Серёжей, с которым мать Кати, Раиса Дмитриевна Ступкина, близко зналась или, иначе говоря, сожительствовала вот уже как целый год.

Кате было семь лет, когда мать ушла от второго мужа, от её отца, от Ивана Павловича Петрошенко, ушла, чтобы перебраться с двумя детьми в другой город к едва знакомому мужчине, которым она не на шутку увлеклась, вроде как влюбилась. Но, как говорится, не сложилось, и Раиса Дмитриевна осталась не возле разбитого корыта, а вообще без такового. Нескончаемых два года мыкалась она с детьми по чужим квартирам в чужом городе. И появился некий дядя Миша, и Раиса Дмитриевна выскочила замуж. Теперь же не было и его. Но был дядя Серёжа.

За все три года проживания в Тумачах мать так и не устроилась на постоянную работу в Житнино. Она перебивалась случайными заработками: то наймётся на прополку картофельного, морковного или какого иного поля, то – на уборку той же картошки или моркошки, то – на их же переборку-сортировку, то устроится сторожем, а то подсобит в коровниках или на куриной, гусиной, поросячьей фермах от раздачи корма до уборки-чистки помещений и двориков для выгула. Да мало ли дел в большом селе с несколькими фермами – там никогда не откажутся от лишней пары рук.

Рома, сын Раисы Дмитриевны от первого брака, уже несколько месяцев был в армии. От него сразу стали приходить тревожные письма: рослый, выносливый, привыкший к невзгодам Рома по каким-то причинам попал в изгой и старики-деды измывались над ним, как евнухи над ослицей. Две недели назад матери сообщили, что её сын находится в госпитале с проникающим ранением в брюшную полость. Он прооперирован, состояние стабильное, у него имеется всё необходимое. Мать засобиравшись в очень дальнюю дорогу. Но нужной для поездки суммы не находилось. Это ещё больше расстроило Раису Дмитриевну, отчего она ушла в загул.

Катя вернулась в дом, заглянула в издыхающий холодильник, пошуровала по кастрюлям, припомнила, что хранится в подполе, – выводы не обнадёжили. Надо было либо что-то из чего-то как-то приготовить, либо... либо посмотреть на другую сторону деревни, что делает Бориска?

Катя скинула ночнушку, надела полинялое платье и, оставив бабу Евдокию сопеть и храпеть в одиночестве, скромно пошла к расхлябанному гнилому забору. Она встала у калитки и стала высматривать через маленькую деревенскую «площадь с фонтаном» соседа Бориса.

Бориска не заставил себя долго ждать.

Он появился из-за дома в одних вместительных чёрных трусах, в руке у него качалось, скрипя, эмалированное зелёное ведёрко.

Он вышел за изгородь и направился к колодцу.

Катя положила руки на перекладину калитки, упёрла в них подбородок и сотворила на лице безразличное выражение.

– Привет, – буркнул Бориска.

– Привет, – пискнула Катя.

Бориска завертел рукоять колодца, наматывая на короткое брёвнышко ржавую цепь, потому что какой-то неряха либо сбросил ведро на дно, либо забыл его поднять.

– Воды не надо? – спросил Борис у Кати, привычно прикладывая усилия для подъёма ведра с водой.

– Нет. Спасибо. Ещё осталось.

Борис пожал плечами и вытащил ведро на сруб. Он перелил воду в зелёное ведёрко и обронил короткий взгляд на девочку, наблюдающую за ним с безразличием.

– У тебя сегодня тихо? – поинтересовался он.

– Да, тихо, – проговорила Катя. – Мать опять в селе, со своим ухажёром, а бабка храпит.

– Может, зайдёшь? Чего сидеть одной? – Борис подхватил ведро и пошёл к себе.

Катя вяло открыла калитку и точно также вяло вышла.

Борис занёс ведро в дом и появился в дверях.

– У меня сегодня щи-каша, которые, как известно, есть пицца наша, будешь?

– Давай, – согласилась Катя.

Она прошла в распахнутую дверь терраски и уселась на табурет.

– Компот? С булкой.

– Угу.

Катя водила пальчиком по клеёнке на столе с немножечко виноватым видом, а мальчик-хозяин гремел посудой на кухне.

Они без лишних слов стали завтракать.

Было без четверти восемь.

Щи-каша были приготовлены самолично Бориской. Да и кто мог бы их приготовить? Отец где-то прокладывал маршрут по железнодорожным путям, а мать... мать была недалеко, в Житнино, но с другой семьёй.

Катя отставила пустую тарелку, спросила:

– Чего это ты, Бориска, какой-то суровый?

– Щас пойду в село, – отозвался он. – Может, отец телеграмму прислал? Он должен скоро вернуться. И надо взять денег у бабки Матрёны, чего-нибудь купить.

Бориска испокон века ходил в село получать деньги, оставленные на его житиё-бытиё отцом у набожной и бабушки Матрёны, бывшей приятельницы умершей матери отца. Она выдавала мальчику сумму на нужды по частям. А приезду отца Бориска обычно радовался, так что это не могло быть причиной его плохого настроения.

Девочка смотрела на него непонимающе и прихлёбывала из кружки в оранжевый горошек компот, заедая его чёрствым белым хлебом.

Бориска понял мысли Кати, добавил:

– Спал плохо... думалось всякое.

Катя была бы рада спросить про это «всякое», но при слове «спал» она в один момент припомнила свои ночные приключения и смутилась, потупилась. Ей сделалось стыдно за свой «нежный» сон.

Бориска, конечно, ничего не мог знать о ее ночных приключениях, и поэтому удивился произошедшей с ней перемене.

– Ты чего? – спросил он.

– Ничего! – огрызнулась Катя. – Давай посуду, помою, – сказала она и поднялась.

– На. – Бориска позволил забрать свою тарелку.

Катя исчезла на кухне.

А Бориска допивал компот и недоумевал.

– Гм... девчонки! – заключил мальчик. – Чего уж тут поделаешь? Девчонки.

Бориска согнал со стола в чашку крошки и направился к мойке, где трудилась раскрасневшаяся и надутая Катя. Она пользовалась куском хозяйственного мыла, тряпкой и согретой на плите водой. Газ в плиту поступал из баллона, скрытого за домом в железном ящике.

Бориска не стал добиваться разъяснения её поведения. Он ушёл собираться в Житнино.

Бориска надумал пригласить Катю прогуляться к селу.

Но, когда он вышел из закутка, где переодевался, девочки не было. Она незаметно ушла.

Бориска запер сарай и дом, вышел за ограду и остановился у колодца. Он прикинулся пьющим воду из ведёрка и искоса последил за домом Кати. Он ничего не увидел, хмыкнул и направился по единственной дороге к Житнино. Не доходя несколько десятков метров до места напротив шалаша, Бориска перебрался за давно высохшую, едва различимую речушку и углубился в кукурузу. Он преодолел по ней добрую сотню метров, прежде чем отважился возвратиться на просёлок.

Солнце успело взобраться высоко на небо. Не колышима ветром кукуруза создавала естественный коридор. Мир млел. Пыльная дорога, как длинная скатерть, высланная великаном, соединяла богатое село и захудалую деревушку.

Матрёна Викторовна, набожная старушка, которой Леонид Васильевич Шмаков не опасался доверять деньги для повседневных нужд сына Бориса, была занята приходом приятельницы. Они мирно пили чай с кусковым сахаром. Бориска воспользовался такой удачей и, получив нужную сумму, отнекиваясь от угощения и расспросов, быстро откланялся. Ему надо было торопиться, потому что уже было десять часов, а ещё предстояло навести справки о Боброве Константине, наёмном рабочем, и успеть вернуться в Тумачи до того, как ребята надумают нанести мужику визит. Как бы чего не вышло в его отсутствие.

Бориска не бежал, он летел в Тумачи.

Расспросы в Житнино не дали никаких результатов. Никто не только не знал заезжего наёмного или сезонного работника Боброва, но слыхом не слыхивал о каком-либо происшествии, случившемся два-три дня назад. Уже две недели, как в Житнино всё было спокойно.

Бориска мчался.

Пробегая шалаш, он уловил детские голоса.

Он остановился и стал прислушиваться, стараясь усмирить взбаламученное гонкой сердце.

Он уже было подумал, что ему почудилось, и надо поскорее уносить ноги, пока некий Бобров не выбрался из своего укрытия, как вновь услышал голоса детей.

«Они там!» – ужаснулся Бориска.

Был полдень. Воздух колыхался от восходящих потоков и звенел кузнечиками. Кукуруза была высока, неколебима.

Мальчик уже был готов войти в неё, когда голоса сменил шелест – сквозь кукурузные ряды кто-то пробирался к дороге.

Бориска насторожился.

– О, привет, Бориска!

– Катя сказала, что ты в Житнино.

Это были Митя и Саша.

– Я как раз оттуда, – сказал Бориска и заглянул им за спины. Он ожидал, что вот-вот появится тот, кто заставил его срочно возвращаться в Тумачи. Но никого не было. – Вы одни?

– Катя не пошла с нами, – сказал Саша. – Она, как узнала, куда мы собираемся, заартачилась, что-то залепетала. Мы так и не поняли, что почём и зачем. И вообще, она сегодня какая-то чудная.

– А где Любочка? – спросил Бориска.

– Дома. Тебя поджидает.

– А мужик? – Бориска напрягся, представляя себе, что тот наблюдает за ними и слышит разговор.

– А его нет! – Митя развёл руки. – Мы думали узнать, может, ему что нужно? А его след простыл.

– Как это так? – Бориска не поверил, что вот так вот вдруг всё уже могло закончиться. – Совсем?

– Совсем. Все шмотки забрал. Как не было.

– Надо же, – сказал Бориска. – Может быть, он просто отошёл?

– А кто его знает, – отозвался Саша, – может, вернётся. Мы решили заглянуть позже, проверить.

– Да-да. – Бориска озирался, высматривая признаки скрытого от них наблюдателя – этого маленького мужичка-вруна. – Не забудьте про меня, я тоже пойду.

– Пойдём, – согласился Саша и зачем-то оглянулся. – Мы сегодня не утерпели, – добавил он. – Мы не пошли бы без тебя...

– Если бы ты был дома, – закончил за него Митя.

– Хорошо, уговорились, – сказал Бориска. – Вернёмся через три-четыре часа?

– Наверно, – сказал Саша.

– Кто его знает. – Митя в упор, не мигая, смотрел на Бориску, поблёскивая линзами очков в поломанной толстой оправе.

Три мальчика медленно пошли по просёлку к своей скромной деревушке, затерянной среди полей.

День таял в непривычной мирной обстановке.

Дети скучали, изнывая от зноя.

Время тянулось медленно, сонно.

О мужике они не говорили, но каждый неустанно о нём думал.

В первом часу дня на самосвале приехал отец Мити, Николай Анатольевич Потапов, на обед, а заодно, чтобы отвезти на реку дочь и жену. А Мите надлежало напоить и накормить живность: две свиньи, выпущенных в вольер, одного бычка, пасущегося на привязи за огородом, на скромном лужке, устоявшем перед натиском бескрайних полей, и два десятка кур, бродящих там, где им вздумается.

Отец Мити был с упёртым, скверным характером, требовательный и порой злой. В зависимости от сезона и возникшей необходимости он пересаживался за баранку или брался за рычаги любой фермерской самодвижущейся техники: грузовики, комбайны, косилки, тракторы, бульдозеры и так далее. По специфике своей работы, от личного немалого подворья, от жития на отшибе, наличия двух детей и калечной жены, он часто воздерживался от выпивки, что не редко выводило его из равновесия, ввергая в злобу. В такие моменты лучше было не задевать его и исполнять любые капризы. Но до рукоприкладства дело никогда не доходило: только тычки да затрещины с понуканиями, назиданиями, выговорами, да и то всё более по хозяйственным вопросам, по неисполненному или попорченному домашнему делу.

Когда-то он без памяти любил свою жену. Теперь же он всё больше жалел её, и вместе с нею жалел себя, – так неудачно сложилась, обернулась жизнь.

Нина Васильевна Потапова, мать Мити и жена Николая Анатольевича, по словам многих в бытность ничем не уступала первой красавице в округе Зойке Марковой. Зойка уже двадцать лет, как исчезла где-то на просторах необъятной родины, ни слуху ни духу. А Нина осталась. И сошлась с упёртым, хозяйственным, исполнительным Николаем. В ту пору они решили, что лучшим местом для заведения собственного обширного подворья будет один из домов в Тума-

чах, потому что дёшево, почти что за бесценок, есть из чего выбирать, и близко от Житнино. Так они и поступили, зажив самостоятельно. Появилась Верочка, а через три года Митя. Вторые роды были скоротечными и завершились до приезда врачей, неудачно, с осложнением. С тех пор Нина Васильевна, получив инвалидность, переваливалась как упитанная утка, ковыляя-кувыркаясь с боку на бок, и всё через боль. Она занималась только домом, хозяйством и детьми, – но и это очень скоро стало ей в тягость, так что пришлось поумерить аппетит и ограничиться скромным количеством домашней живности. С того времени начала она жухнуть, как опавший лист.

Дочка Верочка росла умницей. Теперь ей было шестнадцать лет, и это была плотно сбитая деваха, не то, что её шуплый братец. «И в чём только у тебя душа держится? – часто выговаривала она нескладному и неумелому Мите. – И в кого ты такой уродился!» Сама она была истой труженицей. Скорее всего это происходило от её жизни вдали от цивилизации, без подружек под бочком, с которыми можно посеCRETничать и помечтать, и от того, что она не блистала, как её мать в юности, красотой: была она не то, что бы дурнушка, а больше невзрачная, по причине внешней блеклости: её лицо не привлекало взгляда и даже, вроде как, не запоминалось. Она уже раздалась в бёдрах и в груди, но не так, как это положено сдобной дивчине, а как это случается с молотобойцами, которые день и ночь орудуют по наковальням, лупцуя раскалённое железо. Она поигрывала мышцами и, если бы вздумала и не на шутку разошлась в возбуждении, которое редко с нею случалось, легко могла бы поднять Митю над головой и зашвырнуть его в колючий бурьян за огородом или в преющую, перегнивающую кучу силоса.

Мите казалось, что Вера за что-то на него злится... так же как отец. Вера действительно иногда задумывалась об участии матери, и с неё перескакивала на всех женщин мира, не забывая о себе: они стремятся рожать, рискуя своим здоровьем, своей жизнью, а нет-нет да получают вот такие вот оболтусы и непутевые хиляки. «Ради кого мы страдаем? – удивлялась Вера. – Погибаем! Ради такого заморыша? Лучше мать была бы здоровой. И тогда я была бы в семье одним-единственным ребёнком, – добавляла она про себя, – любимым, самым-самым любимым, и всё у нас было бы легко и весело – хорошо!» Иногда при таких мыслях в зону досягаемости Веры входил брат Митя, – и тогда он летел вперёд головой, в стену, быстро-быстро перебирая ножками, чтобы не упасть. И хорошо было, если он успевал выставить перед собой руки! Вера с презрением смотрела на это беспомощное существо, жмущееся к стене, и к ней в грудь закрадывалась предательская жалость, – чтобы уйти от неё, она уходила сама, оставляя Митю сидеть на полу, боязливо и непонимающе тараша глазёнки через внушительные линзы многострадальных очков и потирать ушибленное место.

Так как Бориска позабыл купить хлеба, поспешив возвратиться из Житнино в Тумачи, бабушке Любочки пришлось идти на поклон к отцу Мити, просить его «купить хлебца».

Николай зло зыркнул на Бориску, стоящего у калитки.

– Ладно, – проворчал он. – О чём разговор. Часам к семи привезу. Потерпите?

– А как же, а как же, – торопливо проговорила Лидия Николаевна, – нам не к спеху. На обед у нас хватит, нам бы на ужин да на завтрак.

Для Николая Анатольевича это было не в тягость. Он давно свыкся с тем, что порой надо привезти не только продукты соседям, но и их самих надо подбросить до села, а то и до места работы, – конечно, когда он сам на «колёсах». К тому же, когда до ближайшего населённого пункта полтора километра по просёлку, всё это понятно: кушать-то оно хочется всякому. Бурчал он скорее в назидание пацану, не выполнившему взятую на себя обязанность, при этом припоминая собственного отпрыска – отчего скоро сообразил, что Бориска как раз очень даже обязательный ребёнок и к тому же самостоятельный шкет!

– Хорошо-хорошо, Лидия Николаевна, не извольте беспокоиться, привезу в лучшем виде, как обычно.

Он забрался в кабину. Оглушительно хлопнул дверью. Дождался, покуда заберётся Вера, – жене он уже помог разместиться на грязных сидениях. И самосвал, подняв облако пыли, колыхая кузов на старых рессорах, скрылся за бугром.

Любочка волновалась тем заметнее, чем ближе подходил час для проверки наличия в шалаше Боброва. Она единственная открыто проявляла нетерпение и всё спрашивала, когда же они пойдут, не время ли уже, может, пора идти? Ребята качали головами, молча придаваясь незамысловатым развлечениям. Любочке не сиделось на месте, потому что у неё к дяде появились вопросы о маме.

Бориска видел стремление Любочки к скорейшему свиданию с дядей, замечал смятение и смущение Кати, столь же непонятные, как поведение вдруг притихших Мити с Сашей, и тоже с каждой минутой нервничал всё больше, не находя приемлемого ответа на волнующий его вопрос: какова истинная причина, приведшая мужика в их края и заставившая его поселиться в поле?

«Если он ещё объявится», – уточнял Бориска.

Катя понимала своё глупое поведение и опасалась, что при встрече с Костей, она вовсе потеряет над собою власть. Поэтому утром она не пошла с Митей и Сашей к шалашу. Но, немного успокоенная нудно тянущимся днём и наличием всех ребят при будущем визите, она отважилась-таки распутать неудобный для себя шерстяной клубок – встретиться с тем, кто заронил в неё смятение. Однако, она надеялась, что мужчина ушёл навсегда.

Митя и Саша, ещё утром предвкушавшие близость того, что завладело ими ночью, что нёс в себе этот, судя по всему, отвязно-отважный, бывалый низенький мужчина, надеялись, что они не обманулись, и он их не предал: неожиданно возникнув из ниоткуда, он не растворился в неизвестности столь же неожиданно.

Все нервничали.

В три часа дня Боброва на месте не оказалось.

Ребята облазили всю прилегающую территорию – никого! Пришлось возвращаться ни с чем. Для кого-то это было облегчением, для кого-то разочарованием. Они договорились, что сегодня ещё раз проверят шалаш, ближе к девяти часам, так как раньше не получится, потому что вечером придётся не только поливать посадки, но и таскать воду на завтра, чтобы за следующий день она согрелась под солнцем, лишилась бы холода глубокого колодца.

За час до возвращения с работы родителей Саша был дома. Он приготовил необходимый инвентарь к вечерним заботам и осмотрелся. Всё было в порядке. По его мнению, от родителей не должно было последовать никаких нареканий, ничто не должно было спровоцировать конфликта, который мог помешать вечерним планам мальчика.

Саша терпеливо дожидался их прихода.

Минуты таяли. Родителей не было.

Саша стал волноваться, предвидя пьяный галдёж, жалобы, недовольство – склоку.

В половине седьмого он услышал двух женщин, разговаривающих у колодца на повышенных тонах. Один из голосов был ему особенно неприятен – это был голос матери. Существовало две причины, способные объяснить её дурное настроение: либо она выпила, либо не смогла увести из Житнино отца, куда-то намастырившегося с друзьями. Последнее означало, что отец придёт часом-тремью позже и будет под «мухой», и неизбежен скандал, в эпицентр которого обязательно вовлекут Сашу. Чтобы проверить последнее, мальчик взял лейку с водой – вроде как он идёт к грядке с петрушкой для поливки, – дошёл до забора и осторожно посмотрел, что делается возле колодца и нет ли где-то рядом отца.

Мать разговаривала с Хромовой Евдокией, бабкой Кати, которая выползла на улицу, по-видимому, испить холодной колодезной воды, в надежде изгнать похмельную хворь. Мать Саши в который уже раз отвечала, что сегодня не видела её дочь, со вчера затерявшуюся в селе. И они перескочили на отца Саши, прогнавшего жену под предлогом, что он проворачивает в Житнино важную сделку, полезную для благосостояния семьи.

Саша отправился поливать грядки.

Он действовал споро, слаженно – привычно, – высокий, густо усеянный веснушками белёсый мальчик с большими ушами, выпученными голубыми глазами, с широким ртом, пухлыми губами, ширококостный, с голым торсом, загорелый, мускулистый: чем больше он успеет сделать, тем больше у него шансов избежать придинок матери и убраться со двора до появления отца.

Мать без слов прошла мимо сына. Она несла две нагруженные продуктами сумки, отдуваясь, потная, и затерялась за стенами избы. Татьяна Михайловна, попив чайку и переодевшись, через двадцать минут вышла на воздух и встала громоздким изваянием возле бочки с водою, из которой Саша наполнял лейку. Она скроила строгую физиономию, сплющив такие же как у сына полные губы так, что они выпятились далеко вперёд, отчего подбородок утоп в двух жировых складках под шеей, вроде как вовсе исчезнув с её круглого лица.

Сын споро работал.

Татьяна Михайловна не нашла, что сказать, и двинулась по огороду, прикидывая-оценивая, что и где надлежит сделать.

В половине восьмого перед домом остановился самосвал. Громко хлопнула дверца. Машина отъехала, чтобы пристроиться в накатанную колею у дома Потаповых. Послышался надтреснутый бас Михаила Борисовича Кулешова, обращающегося к сыну:

– Ты всё ещё поливаешь? Пора бы закончить. Небось, нас дожидался? – Не получив ответа, он продолжил. – Нас дожидаться нечего. Не маленький, должен понимать и мочь самостоятельно управляться с хозяйством. Дел у меня и без этого навалом. Я не прохлаждаюсь. Я думаю. Думаю, как в семью принести денег... да побольше, побольше, вот так... ага!.. ну, поливай, поливай, да не забудь натаскать воды на завтра, слышишь?

– Угу, – отозвался Саша, а сам между тем подумал: «Знаем мы, что у тебя за работа: воруешь так, что не спится ночью. И не потому не спится, что мучает совесть, а потому, что ещё много остаётся тобою неподобранного, а сразу всего не унесёшь. Вот руки и зудят, хотят они до всего добраться, всё захватать». – Саша окунул лейку в бочку.

– Явился, – завела тем временем давно заезженную пластинку мать. – Не запылится? Никак на ногах стоишь? Надо же! – съехидничала она.

– Я выпил самую малость, – пояснил муж.

– А! Ну как же! – Мать всплеснула руками. – Что слону дробина, так, что ли? Это какие же теперь нужны дозы, чтобы свалить тебя с ног?

– Жена, давай-ка прекращай, – строго сказал Михаил Борисович. – Я наладил одно дельце. Предвидятся неплохие барыши, а ты! Эх, мать, зачем ершишься? Ты же у меня понятливая, только вот иногда...

– Ну-у, – сурово протянула Татьяна Михайловна. – Продолжай.

– Тебя заносит. Упрёшься, как баран в запертые ворота, и хоть бы тебе что. Ум так и теряешь.

– Вот оно как? Значит, я безмозглая?

– Да не то чтобы... совсем, – Михаил Борисович масляно улыбнулся и полез обниматься с женою, – всего лишь чуточку, вот такусечки. – Он показал тоненький просвет между пальцами. – Дай, дай поцелую. – Татьяна Михайловна подставила щёку.

Но Михаил Борисович не ограничился поцелуем. Он показал бутылку водки, запрятанную во внутренний карман пиджака.

– Ну, пойдём в дом, – проворковала жена. – Переоденешься, умоешься, а я соберу на стол. Я кое-что купила.

Мать с отцом скрылись в доме, – а Саша собирал со дна бочки воду и бесился от переполнившего его отвращения, и злился, что ему опять предстоит в одиночку таскать воду из колодца.

Надо сказать, что Михаил Борисович работал в селе заведующим по механическому складу, где частенько безвозмездно и навсегда заимствовал вверенные ему запчасти или распределял их с умыслом, по определённой, взаимовыгодной договорённости. Мать же ежедневно возилась с кишками на небольшом заводике, расположенном на северной окраине Житнино, что не прибавляло ей, и без того ворчливой, благолепного восприятия окружающего мира. Их младший сын Дима, теперь забавляющийся в летнем лагере, был в фаворе – ему многое прощалось, при этом в равной пропорции больше взыскивалось с Саши. Но Диме тоже жилось несладко, и его нет-нет да захлёстывала волна, пущенная обширными телами родителей, где хранился беспокойный нрав. Затрещины и тычки, а то и ремень, прописывались обоим мальчикам, но с разной периодичностью.

Бориска раньше всех разделался с вечерними заботами, поэтому он помог Теличкиным заготовить воды впрок. Что поесть на ночь грядущую, у него было – не стоит беспокоиться: вечные щи-каша, сваренные им три дня назад из собственноручно заквашенной капусты, самолично купленного пшена и куска отборной парной свинины, который он добыл у частника в селе, а не в поселковом магазине.

Ожидая визита в шалаш и последующего ужина, Бориска уселся возле завалинки своего дома на маленькую скамеечку. К нему присоединилась Любочка, по малости своих лет немножечко, кое-как тоже подсобившая дедушке с бабушкой.

Шёл девятый час вечера.

– Бориска, – заговорила Любочка, – ты знаешь, Бориска, что мне приснилось ночью?

– Не знаю, Любочка, – сказал Бориска. – Что же?

– Мне приснился страшный маленький человечек. Он гонялся за мной по полю, в кукурузе. Я пошла за водой для этого нашего дяденьки, и всё никак не могла дойти – я заблудилась в поле. Представляешь? А он, не дотерпев, без воды умер. И потом превратился в... карличка. И уже была ночь. И я испугалась, что не найду дороги. И он нашёл меня в кукурузе.

– Кто? Мужик?

– Да. То есть нет. Карличек. Мужик умер и стал... кар...

– Карликом. Карлик.

– Да. Карликом. Вот. И этот карлик хотел наказать меня, потому что я та-ак долго несую воду... всё несую и несую... а он умер.

– Кто? Карлик?

– Ой, какой ты, Бориска, бестолковый! – возмутилась Любочка. – Как же карлик может умереть, если он стал карликом, потому что умер мужик. Мужик умер и появился из него карлик.

– А...

– Ну вот. И я от него убегала. А потом проснулась, потому что он меня догнал! И я уже не могла от него убегать, а он мог меня съесть! – Любочка многозначительно посмотрела на Бориску.

Бориска был суров.

«Ну вот, – подумал он, – маленькая Любочка ночью видит ужасы. А всё почему? Потому что мужик *плохой!* Я был прав и не виновата в том моя мнительность».

– Не думай о нём, – сказал мальчик. – Забудь. Он ушёл и больше не вернётся. Сейчас дождёмся ребята и сходим, проверим, убедимся, что его нет. И больше не будем о нём вспо-

минать. Да? И от этого станем спокойно спать. Как прежде. Спокойно спать и видеть только радостное и хорошее.

– Нет, Бориска, – качая головой, серьёзно сказала Любочка.

– Почему нет?

– Ты же знаешь, что мне всегда снятся плохие сны.

– Ну уж прямо-таки всегда?

– Ну...

– Не всегда!

– Не всегда, но плохих больше.

– Не надо об этом.

– Нет, Бориска. Я потому и рассказала мой сон, что он об этом.

– Как это? Почему?

– Так ты слушай дальше, чего перебиваешь?

– Ну, извини!

– Извиняю. Только ты слушай... какой ты непоседливый, всё тормошишься, и не даёшь досказать, – сделала внушение Любочка.

Бориска поник головой, сокрушаясь.

– Каюсь, каюсь...

Он потряс кудрями.

– Всё тебе шутить. Я серьёзно.

Бориска сотворил невозмутимое лицо – приготовился слушать.

– А потом я увидела огонь. – Бориска шевельнулся. Такое он слышал уже не раз, это было тяжёлым воспоминанием не только девочки, но и его собственным. – Поле горело... и я – в нём... ну... там всюду огонь, вокруг. Я всего говорить не стану. Ты знаешь... Всё также. И я подумала, что мужик в шалаше – это *тот* мужик! Что это *он* увёз мамочку. И вот теперь она от него убежала. И он её ищет. И я смогу как-нибудь узнать от него о маме... и сама поищу её. Может, она где-то совсем рядом, только я не вижу её, а она не выходит, потому что рядом этот мужик. Она боится его! Она боится, что он снова увезёт её от меня. И теперь этот мужик нашёл её, и поэтому в шалаше его нету!

– Ну, ты это... – Бориска был удивлён необычайно буйными фантазиями Любочки. – Знаешь, моя дорогая, не путай сон и реальность. При чём здесь то, что тебе приснилось, и то, что его сегодня целый день нет в шалаше? И вообще, причём здесь этот мужик? Это совершенно посторонний мужик. Он никакого отношения к твоей маме не имеет. Поняла? Так и заруби на своём курносом носу. Это – не он!

– Ты так думаешь?

– Я знаю, – твёрдо сказал Бориска. – Того я видел и помню. Ты была маленькой, и поэтому не помнишь. А я помню. И я тебе говорю, этот – не тот.

– Тогда... тогда, может, это его знакомый? – Быстро сообразила Любочка. – Он ему помогает, чтобы мама не испугалась, когда она придёт ко мне. Она же не знает этого мужчину, и попадёт прямо к нему в лапы. – Любочка поджала нижнюю губу, сдвинула бровки домиком, и у неё заблестели глаза, наполняясь слезами.

– Ну, ну, не хнычь, – Бориска обнял девочку, прижал к себе, стал гладить по голове, по спине. – Не плачь... ну, ты чего это... перестань.

«Я так и знал, – думал при этом Бориска, – всё закончилось так, как всегда. Проклятые выродки!»

Любочка плакала, а Бориска старался утешить её, глядя на закат – на жёлто-оранжевый край неба.

Он мог бы многое рассказать Любочке о тех страшных для неё давних событиях, но до сих пор этого не делал. Ещё больше могли бы рассказать, конечно, её бабушка с дедуш-

кой, но они тоже этого не делали, – зачем? Суть – девочка знает. И эта суть всё ещё преследует её в воспоминаниях. А успокоительной лжи уже сказано немерено.

И хотя Лидия Николаевна и Василий Павлович Теличкины знали многое из жизни своей дочери, они не могли знать больше её самой, потому что Надежда Васильевна и её муж Валерий Павлович Ушаковы не открывали им всей горестной правды...

Надя очень рано покинула отчий дом. Только исполнилось ей шестнадцать лет, как вскопчила она в рейсовый автобус на остановке в Житнино и, в поисках лучшей доли, укатила в сторону шумных больших городов. Там она устроилась на фабрику, швей, одновременно посещая вечернюю школу – стремясь всё же получить полное среднее образование, чтобы поступить в институт, в который, как она знала, её с удовольствием направят от фабрики. Так оно и вышло, и уже на второй год учёбы в институте она познакомилась со своим будущим мужем, слушателем пятого курса. Через год они поженились.

Был 1998 год. Фабрика, на которую они вернулись, уверенно дряхла. Настали смутные времена. А Валерий Павлович был человеком с амбициями: он желал высоких руководящих постов, великих достижений, – так что ему надлежало как можно скорее приспособиться к новой действительности и устремиться на Верха. Поэтому о рождении ребёнка, которого хотела Надя, не могло быть речи. К тому же они жили в комнатухе общежития, так что – не ко времени это, не ко времени, Надюша. Но уже шёл декабрь 1999 года, и Надя не имела возможности дальше скрывать своё положение. Она была вынуждена открыть мужу то, что в ближайшие годы в его планы не входило: он очень скоро станет отцом. Валерий Павлович был до крайности удивлён таким неожиданным происшествием. Он чертыхнулся про себя и смирился с неизбежным. К тому же в последние недели перед тем, как одарить мужа радостным известием, Надя ходила чернее тучи и чахла на глазах. Он посчитал, что она извилась по его вине, зная его категорическое неприятие спешки в подобном вопросе.

Но, не смотря на решение мужа не мучить ее и всячески поддерживать, Надя почему-то продолжала хиреть. Уже близилось время рожать, а она всё никак не ободрялась. Ушаков уж было решил, что она просто-напросто опасается родов, – и это естественно, посудил он, – и утешал, подбадривал её, но в ответ Надя лишь заливалась горячими слезами.

Надежда Васильевна была благородной женщиной, поэтому, ценя участие мужа, не желая далее строить совместное будущее на лжи и чтобы до рождения ребёнка понять, где и с кем ей жить, она наконец отважилась на отчаянный шаг: она созналась мужу в том, что ребёнок не его.

Валерий Павлович был сражён. Он не мог вымолвить и слова. До сих пор ему казалось, что у них всё хорошо, что они вроде как всё ещё друг друга любят и тут – такое!

А Надя на этом не успокоилась – она его добивала. Не ради простых, но страшных для мужа слов она каялась в своём грехе. Не ради них. Нет. А потому что... потому что это не её грех! Не виновата она. В сентябре 1999 года, в тёмный вечерний час, на задворках Л*** переулка её остановили двое мужчин и грубо, неучтиво препроводили в заброшенный одноэтажный кирпичный домик. Там она увидела ещё двух мужичков. Все они были изрядно пьяны, а вид у них был затасканный – бомжеватый. Её опоили и подвергли насилию.

Долго продолжалась попытка понимания и принятия столь ужасающего факта обоими супругами, при всём при этом остававшимися вместе. Ни один из них не понимал, что же теперь делать, как жить, как быть? Отношения дали трещину. Валерий Павлович заикнулся об аборте, который невозможно было исполнить, потому что сроки давно вышли. Он попробовал настаивать на том, чтобы отдать ребёнка в приют. Но Надя уже решила, что не только родит ребёнка, но будет воспитывать его, как истая мать. Вопрос заключался лишь в том, будет ли она делать это вместе с мужем или расстанется с ним и вернётся к родителям.

Детали зачатия в заброшенном доме не отпускали Надю, отравляя отношение к созревающему в её чреве плоду. Дитё было её, но временами оно было невыносимо противно, отвратительно ей, и эти чувства сохранялись долгие годы. Надя чувствовала себя грязной, недо-

стойной женщиной. Ей было стыдно смотреть в глаза мужу. И ничем иным не мог похвастать Валерий Павлович. Чувства у него были те же. И не только к Наде и к тому, что в ней *сидело*, но и к себе: он воспринимал оскорбление жены, как личное оскорбление, не искупаемое никаким покаянием.

14 июня 2000 года ребёнок, дитя или «то, что в ней сидело» родилось, и оказалось Любочкой.

Напряжение в семье Ушаковых не спадало: дразги, переходящие в истерики, не прекращались. И Надя собралась и уехала с ребёнком в Тумачи.

Подходил к концу 2000 год.

После продолжительной паузы Валерий Павлович стал навещать в Тумачи и мирно переговаривать с Надей. Пожив без неё, он, пока не уверенно, но вроде как смирился с тем, что случилось, осознал, что это не вина Наденьки, без которой ему плохо, и в качестве жены он видит лишь её одну.

Они сошлись снова. А через неделю обстановка в семье запыхала огнём: видя, как его дорогая жена заботится о ребёнке, сколько времени и внимания посвящает ему, Валерий Павлович жутко ревновал и в то же время брезговал этим *нечистым* ребёнком, потому что, смотря на него или всего лишь слыша его плач, он представлял себе того мерзавца, который мог быть его отцом, и виделись ему картины насилия над его Наденькой. Валерий Павлович запил, он подолгу не бывал дома, а когда бывал, то скандалил или игнорировал жену. Тогда Надя опять ушла.

На этот раз Надя пробыла у родителей около года, прежде чем заявился Валерий Павлович. Настроен он был решительно. Валерий Павлович приехал с намерением забрать жену, оставив ребёнка по имени Любочка на попечение родителей Нади!

Надя *очень* хотела вернуться к мужу, но расстаться с Любочкой?

Муж поведал жене о своих внушительных успехах, которые случились с ним неожиданно-негаданно. Скорее всего они произошли по причине крушения его надежд на безоблачное семейное счастье – это подвигло Валерий Павлович пуститься во все тяжкие. Он сошёлся с приятелем по студенческим годам. Они заручились поддержкой сомнительных личностей и приобрели ветхую фабрику, и уже через год имели внушительный достаток. В дальнейшем они спланируют спекуляцию и успешно потеряют фабрику, благодаря чему пожмут друг другу руки и расстанутся долларовыми миллионерами, чтобы самостоятельно развивать иные источники обогащения, что позволит Валерию Павловичу Ушакову к 2004 году абсолютно ни в чём не нуждаться. Так что летом 2002 года, когда Любочке шёл третий годок, Василий Павлович Ушаков имел весьма определённые виды на будущее и очень определённое положение в обществе. Ему недоставало только жены. Которую он, между прочим, имел! И он был не прочь наживать с нею вожделенное им благосостояние. Найти же другую жену, ему не удавалось, да он и не стремился. Надюша по-прежнему была для него его Наденькой.

Летом 2002 года Валерий Павлович приехал за своей Наденькой не один. Его сопровождало трое коротко стриженных, плотно сбитых парнишек в белых рубашках с закатанными рукавами.

Разговор между Валерием Павловичем и Надеждой Васильевной состоялся серьёзный. Валерий Павлович, в последние месяцы приобщившийся к суровым реалиям свободного, но теневого рынка, огрубел, став более категоричным и сдержанным. Он не воспринимал от Нади слова «нет». Если она откажется уехать с ним по-хорошему, он увезёт её силой. Баста!

Когда Надя наконец постигла, что муж без неё не уедет, она поддалась порыву и бросилась наутёк, затерявшись в кукурузном поле.

Бабушка и дедушка с внучкой Любочкой всё это время были на улице. Их не пускали в дом трое парнишек. Когда Надя выбежала из дома, они вцепились в своих стражников, не давая им броситься за дочерью. Они стали кричать и угрожать. Парнишки взяли их в охапку

и заточили под запор в сарай. Но крошечной Любочке каким-то чудом удалось улизнуть в черноте ночи и поднявшейся кутерьме, – она исчезла в кукурузе вслед за мамой.

Была ночь. На деревне было тихо. Немногочисленные жители Тумачей таились, выключив свет в домах. И даже тот, кто был в стельку пьян вжался в стену или в угол своего дома, или забрался в ближайший куст, чуя близкую неведомую опасность, неизвестно откуда взявшуюся в их богом забытой деревне.

Надю искал муж. Надю искало трое плотно сбитых парней в белых рубашках с закатанными рукавами. Маму искала Любочка. Но найти в глухую ночь среди плотных рядов кукурузы притихшую Надю не было никакой возможности.

Ушаков уже и не знал, что делать: дожидаться утра или продолжать поиски? А если она забралась глубоко в поле и будет сидеть до последнего, упорно? Тогда не сыскать её даже днём. А у Валерия Павловича нет времени. Какой день? Жаль лишнего часа! У него намечены срочные, неотложные дела. А если она доберётся до Житнино и привлечёт помощь?

Было решено продолжать поиски. К тому же оказалось, что у ребяток в белых рубашках имеются: бинокль, мощный фонарь, пять раций и наган.

Были включены фары автомобиля, на котором они приехали, и нацелены в поле. Один из «быков» забрался на крышу дома, вооружился биноклем, фонарём, и стал по рации направлять остальных.

Минуты шли, минуты таяли, а результат был тот же: женщины не отыскивалось. Лишь Любочка тихонечко перебегала в кукурузе и также тихонечко выкликала маму. Её не ловили. Ею пользовались как наживкой.

Надя держалась стойко. Она не подавала признаков своего присутствия, но и не уходила за помощью в село, так как слышала голос дочери. Она ждала подходящего момента, чтобы с нею сойтись и уже вместе пробираться в Житнино.

Когда над полем поднялись языки пламени, Ушаков стоял возле машины, отряхивая брюки от какой-то липкой, цепкой травы.

– Что такое? – закричал он, но тут же сообразил, что это может помочь.

Но, огонь! Не будет ли худо? Ведь где-то там, в поле, среди кукурузы – его любимая женщина и ненавистный, но ребёнок.

Из кукурузы выбрался один из «быков» и ухмыльнулся:

– Хорошо горит, – сказал он и с наслаждением посмотрел на своё творение, поощряя свою смекалку, реализованную без ведома патрона. – Мы её сейчас быстро найдём, выкурим миленькую пташку. Никуда не денется. Забеспокоится и побежит за дочкой.

Валерий Павлович не находил, что сказать. С одной стороны, придумано неплохо: облить участки поля бензином и поджечь. С другой стороны, могут быть жертвы! Если бы ему взбрело в голову избавиться от жены раз и навсегда, то устроил бы он это как-нибудь иначе. Но он приехал в Тумачи не за этим, а потому что она ему нужна!

Вдруг с крыши, где сидел бугай с фонарем и биноклем, донёсся крик:

– Вижу, вижу! Вон она! Вон!

Бугай тыкал пальцем куда-то в поле, где Надя спешила на помощь к дочери: маленькая Любочка, ничего не видя среди великанши-кукурузы, попала в самое полымя и перепугалась, и во весь голос завизжала-закричала, призывая мамочку.

Ушаков тут же кинулся в кукурузу. Но он бежал не к жене. Он бежал к маленькой девочке, потому что он не желал ей зла, он желал себе счастья.

Он подхватил Любочку на руки в тот момент, когда на него выскочила Надя.

Они устали друг на друга, – а вокруг горела, затухая, ещё не достигшая зрелости кукуруза.

К ним подбежал тот, кто затеял огненную свистопляску, и схватил Надю.

– Попалась! – Он ликующе ухмылялся.

Он посмотрел на патрона в ожидании распоряжений.

Ушаков кивнул в сторону машины, пересадил девочку на руки другому своему охраннику и пошёл вперёд.

Любочка заплакала и протянула ручки к маме, уводимой двумя мужчинами, которая упиралась, вырывалась и всё дальше отдалялась от дочери.

Бугай опустил Любочку на землю и наказал стоять на месте, а то мамочке будет плохо. Любочка перепугалась нависшей над ней морды и не посмела послушаться. Мужчина ушёл, а Крошечная Любочка стояла и слушала, как шуршит кукуруза, а потом заработал двигатель, донёсся слабый вскрик мамы, хлопнули двери, и Любочка увидела движущийся желтый свет фар. Он ослепил её, и Любочка осталась одна-одинёшенька в кромешной темноте, в окружении обгорелой высоченной кукурузы.

Вот этот пожар в поле, когда увезли маму, Любочка и вспоминала до сих пор, он-то и чудился ей во сне, и не только во сне.

Она никогда не различала деталей той страшной и горестной ночи. Тогда в её маленькой головке всё было заволочено туманом детства, а теперь и вовсе перемешалось, перепуталось. Остались лишь страх и горе, и всполохи жаркого пламени, и высоченная кукуруза, и чернота, и дядя, который в полном – жутком – молчании уводит её маму.

В последующие годы Любочка всматривалась не только в женщин, силясь узнать маму, но и в мужчин, не отыскивая среди них своего отца, а выглядывая «того плохого», который куда-то увёз её маму, и всё это время не отпускает её к ней. Любочка росла и готовилась как следует надавать... а то и порезать на тоненькие ленточки негодного супостата-разлучника. Маленькая девочка жаждала мести, суровой мести!

С тех пор Любочка не видела мамы. Любочка страшилась того момента, когда она совсем позабудет её, потому что нечёткий образ мамы с каждым прожитым месяцем для Любочки становился всё более жиденьким, неразличимым.

На имя Теличкиных регулярно, раз в три месяца, вот уже как два года стали поступать денежные переводы от Ушаковых. Бабушка с дедушкой вначале брезговали принимать их, но со временем примирились. Недавно мама прислала коротенькое письмо, из которого стало известно, что у неё всё неплохо, скучает по дочке, но вернуться пока не может, потому что родила Любочке братика; месяц как они вернулись из Лондона, где у мужа имеются дела, живут в недавно отстроенном собственном доме; её и сыночка строго опекают, уберегая от побега, если же она всё-таки предпримет этот безрассудный шаг, попробовав зажить самостоятельно с двумя детьми на руках, то муж непременно за ней приедет, и это может закончиться страшно, и не только для Любочки, не только... за минувшие два года муж сильно переменялся. Но ни о чём тревожном ни слова не было сказано Любочке бабушкой с дедушкой.

В письме не говорилось о том, что муж, так и не найдя покоя, вытянул из Нади адрес «того самого места», перевернувшего их жизнь. Он долго отыскивал тех мужиков. И нашёл. И увидел. Увидел, какие они ничтожные. После этого он не хотел не то, что обсуждать возвращение Любочки, но даже слышать о её существовании. А тех мужиков никто больше не видел. Наде было сказано о постигшей их участи. После этого она стала бояться за свою и Любочкину жизни. Но несмотря на всё это где-то глубоко в душе Надя всё же надеялась, что когда-нибудь прошлое забудется и Любочка, пускай уже взрослой девочкой, но узнает свою *ничтожную* мать.

Шёл 2005 год.

В назначенный час пятеро детей, в возрасте от четырнадцати до пяти лет, каждый, теща свои сокровенные мысли, молчаливой тесной группкой выдвинулось к намеченному месту.

Мужчины, мужика, Кости, Константина, Боброва, Бобра или обезьянки макаки – для кого как – не было.

Начинался одиннадцатый час вечера. Катя в одиночестве сидела позади своего огорода, в пятидесяти шагах от кукурузного поля, – смотрела на угасающее небо, слушала звуки близкой ночи и размышляла о своём сегодняшнем поведении, о том, что могли подумать о ней мальчики и хорошо ли то, что Костя Бобров пропал из её жизни так же внезапно, как вторгся в неё сутки тому назад. Она не заходила домой. Она не могла сейчас позволить себе встречи с горластой пьяной кучкой людей: с вернувшейся из села матерью, притащившей своего сожителя дядю Серёжу, и поддатой бабушкой. Их приставания ей были омерзительны, но неизбежны, потому что придётся кушать и укладываться спать. Катя сроду ни к кому не просилась на ночлег. Да и к кому проситься кроме Бориски? Но сейчас она не хотела бы видеть и его, не хотела бы оставаться с ним наедине, потому что он... он уже взрослый, – он может распознать то, что её мучило весь день. К тому же, что скажут люди после такой ночёвки девочки в доме мальчика, что взбрѣдет им в голову? Как объяснить это маме и бабушке? Если бы те лежали вповалку, дрыхли бы в пьяном угаре, а в это время к Кате приставал с гадкими разговорами противный дядя Серёжа, и от этого она ушла бы ночевать к Бориске, тогда ладно, тогда можно, а без этого... Не настолько всё критично дома. Всего лишь надо будет немножечко потерпеть их трѣп, кушая, потихоньку пробраться на кровать и постараться забыться сном.

Да, никуда не денешься, нужно идти в дом: просидишь допоздна – нарвѣшься на скандал, к тому же – холодает, а она – в лёгком платице.

В плотно сомкнутых кукурузных рядах послышался звук, похожий на тоненький свист.

Катя огляделась.

Никого.

В том, что это был непременно свист, она была не уверена. Тем более что в такой поздний час свистеть из кукурузы было некому, а значит, что ей почудилось, показалось от задумчивости.

– Фью-и! – повторился звук.

«Свистят!» – утвердилась в первом предположении девочка. – «Кто-то свистит. И, кажется, правда, из ку... ку-ку-рузы!» – Брови у неё взметнулись, а кожа пошла пупырышками – девочку пробрал озноб. – «Это – он! Это – он!» – панически заколотилось у Кати в голове.

«Чего я радуюсь, глупая?» – подумала девочка, устыдившись своего невольного порыва.

Кате одновременно было и радостно, и страшно. Страх приходил от того, что в эту секунду крепкий и неказистый маленький мужчина находился у самого края поля, в кукурузе. Он смотрит на неё. Он старается привлечь её внимание. Он её приманивает! А возле кукурузы – темно. А в ней...

«О, боже! В ней – совсем темно!»

Страшно.

Ноги трясутся.

Руки трясутся.

Язык не слушается.

Во рту прямо-таки онемело всё.

Свист повторился.

Катя поднялась...

...ступила раз, другой.

Девочка сделала десяток шагов и остановилась, и услышала знакомый голос:

– Поди сюда, девочка. Это я, Костя.

«Он не помнит, как меня зовут? – удивилась и расстроилась Катя. – Дурак!»

Она сделала ещё десяток шагов и встала перед грядой кукурузы на почтительном, как ей показалось, расстоянии.

– Это Вы... Бобров? – неуверенно спросила Катя.

– Да-да, я. Слушай. Я тут немного отходил – погулял, осмотрелся в округе, хотел проверить, как дела и всё такое. А теперь вернулся. Ясно?

– Да, – пискнула девочка, поднимая руки к груди и крутя-ломаю пальцы. – Да, – повторила она чуть громче.

– Вы про меня никому не говорили? – строго спросил мужчина.

Кате показалось, что она начала различать его силуэт: он сидит на корточках, поднеся ко рту руки, сложенные рупором.

– Н-нет, – ответила девочка, – никому. Насколько я знаю. Никто никому ничего не говорил.

– Это хорошо. – Голос мужчины приободрился. – Это вы молодцы. Хвалю. Верные данному обещанию ребята. Молодцы!

– С-спасибо, – с запинкой процедила Катя.

– Я пойду назад, в шалаш, – прошептал мужчина. – Вы сегодня ко мне не приходите. Завтра приходите. Хорошо?

– Да.

– Ты поняла, что сегодня не надо приходиться? Только завтра. Утречком. Часиков в девяносто. Если сможете, конечно. А не сможете, тогда – как сможете.

– Хорошо. Завтра, в девять часов, не раньше.

– Вот и умничка. Принесите чего-нибудь пожрать, да побольше. Ну и попить, конечно. А ещё мне до зарезу надо курева. Уж постарайтесь, очень прошу. Всё одно чего, лишь бы покурить было. Умоляю!

– Ладно.

– А теперь ступай. До завтра!

– До завтра.

– И ни гугу! – раздалось в спину Кате.

Она повернулась и всмотрелась в кукурузу, сказала:

– Конечно, я помню.

Она ничего не увидела, – прежний раз ей, верно, померещилось, что она видит, как он сидит на корточках, держа руки возле рта, сложенные рупором. «Показалось...»

– Иди, иди! Чего встала? Не привлекай внимания.

Катя не пошла, Катя побежала, неловко и неказисто вскидывая ноги, придерживая руками платье, путаясь в траве облепленной холодной вечерней росой.

Катя не поняла, можно ли ей сию же минуту рассказать мальчикам о возвращении мужчины.

«У? Можно ли?»

С другой стороны, если он сказал, чтобы они приходили к нему завтра, значит завтра, поутру, ей всё равно надо будет вводить ребят в курс дела. Правильно? Вроде бы так. И кто-то из них может оказаться занятым, кто-то закопшится или засуетится, спеша собрать угощения-подношения, кто-то растеряется, а то и перепугается.

«Как я. Как я», – повторила Катя и опять смутилась, подумав о том, что ей надо снова встречаться с мальчиками, – а они сейчас дома, и не одни, с ними их родители, и не известно, в насколько потребном виде те находятся, и неизведанно, в каком они настроении.

«Остаётся надеяться, что мальчики сидят где-нибудь вместе, – подумала Катя. – Глупая, уже почти одиннадцать. Они наверняка сидят по домам».

Катя прошла через свой огород и выглянула на деревенскую улицу.

Тихо.

Она посмотрела на самосвал у дома Потаповых.

И услышала:

– Би-бииии!

Катя обрадовалась:

«Митька! Митька снова залез в кабину и рулит, крутит баранку. Вот удача! Он всё-всё скажет остальным. Он шустро обежит их и всё скажет».

Лёгкой газелькой подбежала Катя к самосвалу и постучала в дверцу водителя, при этом она широко улыбалась и лучезарно блестела глазами. Она приветливо замахала рукой.

Митя деловито опустил боковое стекло, деловито спросил:

– Чего тебе? Хочешь залезть?

– Не... – Катя цвела. – Мужик нашёлся!

– Что? – Митины глаза сделались обалделыми.

– Мужик, мужик нашёлся! Я сидела за огородом, а он в... из кукурузы засвистел и сказал, что он вернулся, и ждёт нас всех завтра к девяти-десяти часам утра с едой и водой, – выпалила Катя.

– Ух-ты, здорово! – Митя ожесточенно завертел рулевым колесом. – Би-би! – Он изобразил, как жмёт на кругляш в середине руля, и повернулся к Кате, показывая весёлую мордочку, трясущуюся на ухабах, которые уносились под огромные колёса машины.

Катя уже не улыбалась.

Она на него обиделась.

«Какой он глупый. Ничего-то он не понял. Объясняй ему. Нет, чтобы догадаться с полуслова».

– Митька, прекрати. Я к тебе не за этим пришла. Мне уже поздно бегать по ребятам. Там родители у них и всё такое. Сбегай. Пошепчи на ушко, пускай знают и готовятся к девяти часам. Пускай соберут поесть. И он очень просил принести любого курева. Уташат там пускай. Ага?

Митя вцепился в чёрный обруч руля и замер на сиденье водителя.

Митя сорвался с места: он в один миг водворив стекло на прежнее место, соскочил на землю, шибко бухнул дверью, запер её и, сказав: «Ага. Побежал!» – умчался.

«Вот и ладно, вот и славно», – подумала Катя.

Она смело пошла в избу и стойчески приняла пытку мамой, бабушкой и дядей Серёжей из села Житнино.

Где-то за печкой стрекотал сверчок.

Глава третья

Попытка разоблачения

14 дней назад (13 июля, четверг)

Во вторую ночь, проводимую посреди кукурузного поля, Боброву спалось так же плохо, как и в первую. На то были веские причины. Они не только мешали ему наконец-то отоспаться внасласть, но и таскали-мытарили его вдали от обретенного укрытия весь остаток дня.

Он и без того переживал, сомневаясь, правильно ли он поступил, попросив незнакомую, к тому же совсем маленькую девочку, принести ему напиток? В тот раз всё обошлось. Правда, объявился, как будто специально, как будто умышленно, пацанёнок по имени Борис. Вполне взрослый, чтобы суметь разобраться, где – ложь, а где – истина, и сделать ненужные для Боброва выводы. Выводы, за которыми последует его разоблачение, и выдача взрослым, – а там уже недолго до представителей органов правопорядка. Но успокаивало то, что дети были из маленькой деревушки, стоящей на отшибе от цивилизации среди бескрайних полей, и по соседству с ней было пускай большое, но всего лишь *село*. До села выйдет не меньше километра по прямой, а сама деревушка – скучная, потому что крошечная и малолюдная. Всё это обнадеживало Боброва: если что-то случится, можно успеть сделать ноги, то есть, затерявшись в необъятных полях, добраться до леса и благополучно пропасть.

Он ждал возвращения незнакомца мальчика, согласившегося принести ему одежду и еду, и снова мучался от неуверенности: правильно ли он поступил?

Одну и ту же ошибку он допустил подряд дважды!

Такая забывчивость о собственных недавних тревожных мыслях о незнакомой маленькой девочке, ушедшей в деревню за водой, ещё более раздражала его нервы, и без того шалящие. Беспокойство усиливалось.

С Бобровым творилось что-то неладное.

Он явно был не в форме. То есть, в очень плохой форме.

Ему требовалась передышка в спокойной обстановке.

Но тут, в довершении всего, вместо одного пацана, пусть и вполне взрослого, припёрлось к его шалашу аж целых три новых любопытных ребёнка. И среди них оказалась ещё одна девочка. На этот раз вполне взрослая девочка, подошедшая к поре созревания.

Двое новых ребят, плюс одна девочка – это хуже прежнего!

Бобров утвердился в мысли, что он и правда допустил оплошность, и не одну, поэтому ему срочно надо брать передышку, тайм-аут.

Он поблагодарил детей за угощения и шмотки, поел под их пристальными взглядами и, предположив, что их должно быть ждут дома, да и ему хочется отдохнуть, насколько возможно культурно, их спровадил. Дети ушли неохотно, – было понятно, что они заинтригованы и переполнены вопросами, которые пока не осмелились задать. И это их любопытство, этот здоровый, но нескромный интерес к нему, может его погубить.

Посидев минут двадцать настороженно прислушиваясь к малейшему шуму, Бобров собрал свои и принесённые детьми вещи и ушёл в глубь поля, за шалаш, подальше от просёлочной дороги. Он не стал забираться далеко. Он не хотел полностью терять контроль над происходящим. Он хотел быть готовым к любым событиям в случае возвращения ребят – одних? – которые уже наличествовали в количестве аж целых пяти штук! Среди коих – две девочки. Причём одна из них – совершенная мелюзга.

В течение полутора часов он сидел неподвижно, смотря и слушая.

Мир будто бы вымер. Ничего не происходило. Только вороны бесшумно пролетали над полем и однажды в деревню проехало что-то большое, дребезжащее, наверное, грузовик или самосвал.

Время близилось к ночи.

Костю Боброва стало клонить ко сну.

Он нарвал несколько охапок листьев кукурузы и на расчищенной площадке устроил из них лежанку, положил сверху одежду и улёгся, сразу же попав в цепкие лапы сна. Но ему казалось, что он не спит, он всего лишь находится в полузабытье и контролирует, что творится вокруг, – если надо, он опомнится, он сообразит, он побежит или набросится, он...

Ему всё чудились овчарки. Они рыскали на длинных поводках. Они жарко дышали и неудержимо рвались вперёд. Они подвизгивали и срывались на лай, и рычали. Они бежали, а высокая трава – кукуруза? – мельтешила, шурша. Он тоже бежал, задыхаясь, выбившись из сил, падая и поднимаясь, бежал и не верил в свой успех. Но гонка была неравной. В очередной раз повалившись на руки, заработав ногами, предательски скользящими по вязкой жиже, стараясь подняться, он почувствовал позади горячее дыхание, – на него кинулись псы. Он укрыл голову руками, сжался и истошно закричал.

Бобров часто дышал, просыпаясь тогда в ужасе. Он таранился в небо, утопая в нём, проваливаясь в густоту звёзд, кружась вместе с ними, и долго, как ему казалось, всякий раз соображал: он кричал только во сне или *тот* его крик был реальным и вырывался в ночь, летя над кукурузным полем? Уносясь к деревушке. Только не это!

Он приподнимался, озирался, всматриваясь в близкие, обступившие его заросли кукурузы, но слышал лишь звон и шорох свершаемой бурной жизни полчищ насекомых.

Так и не разобравшись в окружающем ночном мире, Бобров забывался сном, и всё повторялось.

Под утро, в кошмарах проведя вторую ночь в поле, продрогнув, измучившись, ощущая каждую клеточку разбитого, ломящего тела, он поднял очумелую голову, казалось раздувшуюся огромным шаром, и, не особо соображая, что он делает, направился к шалашу: какое-никакое, а обжитое место.

Конечно, у шалаша никого не оказалось. Тогда он, мечтая и не осмеливаясь развести огонь для обогрева, устроился в шалаше. Он немного поел того, что осталось от принесённого ребятами. Достал пачку «Беломор», пересчитал папиросы – семь штук... М-да, надо экономить. Жёстко экономить... Он посмолил-подымил сигаркой, бережно сделал бычок и опустил окурок в пачку. Время шло. Напряжение нарастало.

Недоверие – заразная и упёртая штука: единожды подхватив его, не излечишься за век.

Бобров не выдержал. Бобров сдался.

Внимательно собрав всё, что могло указывать на его прибытие в шалаше, он ушёл к Тумачам. Он выбрал на краю кукурузного поля место, откуда можно было наблюдать за маленькой деревенской площадью с колодцем и не быть на пути ребят, когда они пойдут к нему в шалаш, или тех, кого они с собой приведут.

Он хотел, он желал, и даже более того, он нуждался в посильной помощи этих детей. Поэтому он старался всячески подбодрить себя, чтобы не растаяла надежда на данное ими обещание: никому не говорить о нём ни слова. Но удавалось ему это плохо. Всё-таки заразная, привязчивая штука – это недоверие.

Бобров видел, как Бориска подходил к колодцу с пустым ведром, как потом за ним в его дом шла Катя. Он видел, как она вернулась к себе в избу, как Бориска пил из ведра у колодца и уходил по просёлку в сторону села. А может, он пошёл к нему?

Сердце у Боброва ёкнуло. Что сделает, на что решится мальчик, когда не найдёт знакомого? Что сделают дети? Не будет ли это причиной для разрушения данного ими слова о молчании? Не развяжет ли это им языки?

Но нет! Бобров решил, что мальчик Бориска направился не к нему, потому что для такого визита был слишком ранний час, и он был хорошо одёт. Скорее всего, Бориска пошёл в село. Зачем? Не за тем ли, чтобы выдать его? Может быть и так, – раньше времени об этом не узнать. Разве что, бежать, быстрее, сейчас же, чтобы перехватить пацана! Нет, не стоит. Пускай идёт: если мальчик не дошёл умом до его сдачи взрослым, тогда подобным упреждением можно испортить будущие с ним отношения, которые так нужны Боброву.

Здесь, у края поля возле деревни, Бобров чувствовал себя в относительной безопасности: у него останется времени и возможностей уйти, если что-то пойдёт не так. Ему следует дожидаться остальных ребят и посмотреть, что они станут делать.

Было около одиннадцати, когда двое мальчиков последовали маршрутом Бориски.

Бобров напрягся всем своим не великим, но крепким телом, и тут же порадовался, что ребята идут одни и шагают непринуждённо. Ведь, если бы они шли в село, рассказывать о подозрительном мужике, засевшем в кукурузном поле, они не проявляли бы интерес друг к другу и окружающему миру столь беспечно – обязательно так! Не о чем беспокоиться! Пока не о чем.

Через полтора часа мальчики лениво взошли на горку возле первой заброшенной избы маленькой деревушки, всем своим видом показывая разочарование. И с ними был Бориска.

Бобров улыбался. Он был убеждён, что они никому о нём не поведали, а расстроены они тем, что не обнаружили его на месте.

Высидев ещё час, убедившись, что ребята заняты убиванием скуки жаркого летнего дня в пределах деревни, Бобров отважился покинуть свой наблюдательный пост и обстоятельно проверить территорию, прилегающую к деревушке, состоящую из девяти жилых, занятых и трёх заброшенных, заколоченных изб.

Потом был вечер, и Бобров поджидал-выискивал кого-нибудь из знакомых ребят, и увидел Катю.

Теперь лёжа в шалаше ребят, проведя предыдущую ночь посреди поля, Бобров наконец-то крепко спал.

Около девяти часов утра солнце приятно припекало мужчину, развалившегося на подстилке из листьев кукурузы, на половину высунувшегося из хлипкого шалашика и чему-то улыбающегося во сне. Над ним молчаливо, плечом к плечу, с узелками и сумками в руках, стояло пятеро детей. Самой младшей из них было всего каких-то пять годков.

Косте Боброву снилось пятеро детей – верных ему друзей, крепко хранящих секрет. Они направлялись к нему, скучающему посреди неохватного глазом поля. Позади всех бежала в припрыжку маленькая девочка в беленьком, усеянном бордовыми горошинами, платице. Этой девочкой была Любочка. И ждал их не взрослый Бобров, а Бобров-ребёнок – мальчик, не старше десяти-двенадцати лет...

– Кхе-кхе, к-хым! – наигранно прокашлялся в кулак Саша.

На него строго, с осуждением зыркнуло четыре пары глаз.

– Что? – Саша развёл руки, недоумевая, и выпучил глаза, и без того большие.

– Тише, – прошептала Любочка. – Пускай спит.

Бобров разлепил веки.

Солнце ослепило его.

Он зажмурился.

Над ним нависали какие-то тени.

«Кукуруза, – пронеслось в голове Боброва. – Проклятая кукуруза».

Но что-то было не так с этим кукурузным рядом.

Он не сразу сообразил *что*...

«Слишком короткий и близко».

«Близко!»

Мужчина подскочил.

– Р-ребятки, – с облегчением проговорил он, узнавая визитёров. – Вы... вы одни?

Ребята кивнули.

– Одни, – сказал Бориска. Он подошёл и поставил узелок рядом с мужчиной, который сидел на коленях и изучал их из-под козырька, сотворённого кистью руки над подслеповатыми со сна глазами. – Уже девять часов. Мы пришли, как договаривались.

– Ага. Ага, – проговорил Бобров. – Правильно. Вы хорошие ребята. Я тут уснул. А вы всё правильно поняли. Молодцы.

– Спасибо, – сказал Бориска. – Мы принесли поесть. Мы все собирали, так что получилось довольно много. – Бориска порылся в кармане брюк и бросил на колени Бобра почти полную пачку беломора – из собственных запасов, сделанных для ненароком забредших хмельных соседских мужиков.

– Спасибо, ребятки! – Бобров обрадовался. – Огромное, огромное спасибо! Чтобы я без вас делал! – Он выскреб из кармана рубашки помятый коробок спичек и с невыразимым наслаждением закурил.

Курил он маленькими затяжками, быстро, разгоняя рукою дым: он боялся, что кто-то, идя по просёлку, увидит клубы сигаретного дыма и, решив, что это балуются непотребным занятием дети, нанесёт визит. Ранее, для того, чтобы покурить, он уходил на сотню шагов в глубину поля, – впрямь он станет делать также.

– Кушайте, дяденька, – сказала между тем Любочка, – кушайте, пока свежее, нам не особо жалко, – зачем-то добавила она и сконфузилась, устыдившись последних слов. – Я не жадина, – пояснила она, ища в кукурузе отсутствующую галку, – это я так просто сказала.

Митя ободряюще потрепал её по волосёнкам. Она фыркнула и отошла к Бориске, который обнял её за плечи и спросил у Боброва:

– Где же вы вчера были? Мы ждали, искали вас, а вас весь день не было.

– Мы подумали, что вы ушли, – добавил Митя.

Бобров отмахнулся, с интересом развернул узелок со съестным и беспечно сказал:

– Пустяки, ребятки, я немного погулял то тут, то там, осмотрелся, огляделся и всё такое.

– Понятно, – сказал Митя.

Он подошёл поближе, отдал мужчине свою синюю матерчатую сумку, сел напротив него по-турецки и стал пожирать его глазами.

А тот уже пожирал свежий огурец, заедая его солью из спичечной коробки, вприкуску с чёрствым чёрным хлебом.

– Чудесно, – сказал он, брызжа слюной и огуречным соком. – Очень вкусно! Хоть и просто, но вкусно. Вот, что значит – во время! – Глаза у него прояснились и радостно блестели.

Бобров приветливо жмурился то солнышку, то ребятам. И это подействовало на них ободряюще, – они расселись неподалёку, полумесяцем. Дяденька протянул Любочке маленький огурчик, от которого та, завертев головой и расплющив губы, с гордостью отказалась: она продолжала стыдиться недавно слетевшего с её языка, порой до неприличия бойкого, ненужного уточнения.

Следом за огурцом Бобров проглотил три яйца, сваренных до синевы, и принялся за щикашу, оторванную Бориской от сердца. Видя, как уплетает егостряпню оголодавший мужик, Бориска преисполнился удовлетворением, довольный собой как поваром, так и своей щедростью.

– Значит, у вас сейчас каникулы? – спросил мужчина, с наслаждением пережёвывая варёную картошку и лист квашенной в бочке капусты – угощение от Мити. – Отдыхаете, значит? Чем промышляете? Как время убиваете?

– Ничем особым, – ответил Саша. – Иногда ходим на реку. За село. Далековато, но река есть. По хозяйству хлопочем, помогаем родителям. Так, ничего особенного.

– Скучно, значит?

– Ну...

– Скучно, скучно! Не ври. Вижу, что скучно. Родители заедают?

– Есть немножко.

– Заедают! Достают? Достают! А никуда не денешься, да? Даже заняться нечем, отвлечься? Сочувствую.

– А Вы к нам из какого города? – неожиданно спросил Бориска.

– Я-то? Из далёкого, большого такого

– А именно? – Борис был серьёзен.

– Не важно это. Не суть важно, ребята. В городе сейчас жизнь с каждым днём больше и больше бьёт ключом. Соблазнов – море. Да реализовать их, заполучить трудно. Не каждый в нём сможет выжить, в этом море. Я вот убежал сюда, к вам, где жизнь спокойнее. Катится также, как когда-то, по-старинке. Я ведь тоже родом из маленькой деревушки. У меня там осталась мать. Живёт одна-одинёшенька. Не живёт, а мается в бедности, в тяготах. А я убежал. Хотел жить, понимаете? Но тут так повернулось, что потянуло меня к чему-то родному. И я оказался снова в сельской местности, среди крестьян, среди полей, лесов. Дикая, вольная жистянка у вас, ребятки. Дикая и вольная, но безнадёжная. Нельзя так жить. Не советую. Бегите, бегите отсюда, ищите счастье на стороне. Глядишь, и вам что-нибудь перепадёт. А не перепадёт, так погибнете в рассвете лет, вспоминая лихо прожитые годочки. М-да. У меня-то есть, что вспомнить. М-да.

– А расскажите нам, – попросила Катя и побледнела, потупилась.

– Да что же рассказывать? Нечего. Не для детских это, не для девичьих ушек. Может быть, как-нибудь потом, когда мы познакомимся поближе.

– Вы здесь надолго хотите остаться? – всё столь же серьёзно поинтересовался Бориска.

Он внимательно следил за движениями Боброва.

Боброву не понравился взгляд мальчика, и с его лица сошла любезность: оно обособилось, став непроницаемым.

– Да как тебе сказать, – протянул Бобров и начал убирать еду с подстилке из листьев кукурузы. – Хотелось бы. Ты не возражаешь?

– Мне какое дело.

– Вот и хорошо.

Но Борис всё так же пристально смотрел на Боброва.

– А Вы в селе кем работали? – продолжил допрос мальчик.

– Я-то? – Бобров исподлобья быстро взглянул на любопытного подростка и продолжил собирать сумки. – А кем только не был. Полыл картошку, капусту, морковь, убирал скотные дворы, технику там какую подсоблял чинить, и даже был механиком, каменщиком был.

– Так много? – удивился Бориска.

– Так много, – подтвердил Бобров.

Он встал на четвереньки и уполз в шалаш, чтобы спрятать продукты в тень. В полном молчании выбрался, поднялся, нарвал охапку листьев кукурузы – вернулся в шалаш и тщательно укрыл ими сумки. Никто из ребят не двигался, никто не проронил ни слова. Бобров, пятясь задом, выполз, встал на ноги, потянулся, скучно поглядел на чистое небо, зевнул, сказал:

– Хорошо-то как. Благодать. Вам, ребятки, наверное, надо идти? Вы гуляйте, отдыхайте, помогайте по хозяйству родителям и всё такое. И как-нибудь потом приходите в гости. Окей?

Митя, Саша и Катя неохотно поднялись, неудовлетворённые такой непродуктивной и неинформативной встречей. Любочка же не торопилась. Она следила, что делает Бориска. А тот, поглядев на Митю, Сашу и Катю, поддался общему импульсу и встал. Он протянул

Любочке руки. Девочка с готовностью на них опёрлась и легонечко подлетела на воздух. Бориска опустила её на ножки.

– Вот у Мити, – начал Бориска, – отец заведует механическим складом. Вы должны его знать.

– Да?! Надо же, – процедил Бобров, занимаясь подсчётом кукурузных макушек.

– Михаил Борисович Кулешов. Неужели не знаете? – Глаза у Бориски превратились в щелочки.

– Так, хорошо! – вдруг обрубил маленький черноволосый мужчина и подбоченился, набылчился, упёрся взглядом в мальчика. Они стояли как на дуэли, друг против друга, и металы из глаз искры негодования и жёсткой решимости. – К чему эти расспросы? Ты к чему ведёшь? Ну!

– Я вчера был в Житнино, – выпалил Бориска. – Там о Вас никто слыхом не слыхивал. Вы там не работали и не жили. Вы нам всё врётё!

Четверо детей опешило от столь дерзкого наскока Бориски.

– Ты чего, Бориска? – пролепетала Любочка.

– Подожди, Любочка, – отозвался Бориска. – Нам надо разобраться. Всё в порядке.

Девочка крепко ухватила за его руку, прижалась к ней щекой, но поверила ему и требовательно посмотрела на дядечку, ожидая, что же тот ответит такому всегда умному, доброму, ответственному, заботливому и внимательному Бориске.

Солнце стояло высоко. В кукурузных рядах парило. Звенели кузнечики.

Мозг у Боброва распирало от обрывков всевозможных мыслей, и ни одна из них не складывалась в законченную, в логически обоснованную, чёткую и ясную. Он всячески старался, но не мог склониться ни к одному возможному разрешению опасной для него ситуации.

Если продолжать врать, то сможет ли он сориентироваться на ходу и придумать всё настолько складно, что на этот раз у ребятни не возникнет сомнений? В этом он был не уверен. А сказать правду, это значит подставить себя под риск быть преданным. И он признавал их право на такой поступок. На донос! Но не принимал его: за такое филёрство он с удовольствием оторвал бы, открутил бы им их глупые маленькие бошки! Но понять их смог бы.

Мужик ощерился.

– Милые мои детки, – не то простонал, не то проскрежетал он.

От этих звуков, от подобного обращения дети невольно сделали шаг назад. Ноги у них стали ватными, глаза расширились.

– Ребята, вы это чего? – Бобров заметил их реакцию и смягчил интонацию, заговорил носом, изнутри, на выдохе – бархатно, усыпляюще-убаюкивающе, стараясь улыбнуться чёрными камешками глаз. – Испугались, что ли? С чего бы, а? Не дурите. Ну не сказал я вам всей правды. Так что же? Я же вас видел впервые. Откуда мне было знать, можно ли вам довериться, не продадите ли? Ведь это же так просто, так понятно. Вы тоже не открылись бы перед первым встреченным на дороге человеком. Ну, будет, будет, перестаньте. Если так хотите, я вам расскажу... что смогу. Всё сложно, ребятки, очень сложно в этой жизни. Понимаете?

Митя рьяно закивал головой. Саша вторил ему менее ретиво. Увидав это, к ним присоединилась Катя. Любочка только выглянула из-за спины Бориски, за которой спряталась мгновением ранее. А Бориска просто сказал:

– Рассказывайте.

Чтобы выиграть время для размышления, убрать испуг детей и смягчить впечатление от рассказа, Бобров неспешно выбрал местечко, что поудобнее, долго возился, усаживаясь и принимая позу, расправляя штаны и убранный в них рубашку.

– Присаживайтесь, – пригласил он ребят, – в ногах правды нет.

Ребята не проявили признаков понимания. Они не шелохнулись.

– Как знаете. – Бобров вздохнул. – С чего бы начать?

– А начните с того, откуда у вас наколки, – предложил Бориска.

– Увидал! Ишь ты какой! Смышлёный.

– Он такой, – пискнула Любочка, теснее прижимаясь к Бориске.

Бобров ухмыльнулся:

– Заступница. Ишь ты... Малявка.

Любочка снова упряталась за спину Бориски.

– Не пугайте девочку, а то... – сказал тот.

– А то, что? Эх, ты. А то. Гм. Я не собираюсь воевать с вами, глупые. Я же полностью от вас завишу. Вы мне нужны, чтобы выжить. Такие вот дела, м-да. Охотятся за мной все, кому не лень. Для многих я как кость в горле. Не угоден я стал, а когда-то был очень даже угоден. Люди-люди... Такие вот дела. – Бобров покачал головой, сокрушаясь, и отсутствующим взглядом упёрся в землю – задумался.

Ребята молчали, не шевелились, не подавали хотя бы каких-то признаков своего присутствия. Они, затаив дыхание, всматривались, вслушивались и предвкушали. Все, кроме Бориски. Он просто ждал.

– Начнём с того... Нет! Не до конца я в вас уверен. Вона Бориска как зыркает. Что, не нравлюсь?

– Не очень. Но это было бы пустяком, если не начинали бы со лжи. Я не о себе пекусь, я вот, – Бориска указал на Любочку, – о ней думаю.

– Понятно... понятно. Так, получается, вам можно доверить мою жизнь? Жизнь человека! Вы потянете такой огромный груз? Выдюжите? Не надорвётесь? А? Хе-хе... Так как же?

– Не сумлевайтесь, – обнадёжил его Бориска.

Но мужчина сомневался. Он уже давно разучился доверять людям. А тут перед ним стояли даже не люди... дети! Всего лишь малые дети: неразумные, доверчивые, любопытные и болтливые.

– Значит, вы в себе уверены? Что ж... вынужден принять на веру. Время покажет. Время всё расставляет по своим местам. Так-то, ребятки, так-то... Что ж... начну с того, что зовут меня не Костей и фамилия моя не Бобров. – Он выждал, изучая реакцию детей: никто не сморгнул, не качнулся. Он продолжил: – Георгий – я, Жора, значит. По фамилии: Барсуков.

«Бобров – Барсуков, Барсук – Бобёр, – прикидывал, взвешивал, пробовал на вкус Бориска. – Никакой разницы – один х-хрен-хреновина! Только вот зубы. Так что Барсук ему будет ближе – всё разом встаёт на свои места. И не удивительно, что он такой, – он с этой фамилией вырос. Она ему под стать. Небось и кликуха была соответствующей».

– Георгий Абрамович Барсуков, по-простому – Жора, а можно – Егор, – пояснил Барсук, как уже решил называть его про себя Бориска.

– Жора, – прошептала Любочка, выбираясь вперёд и вставая перед Бориской, который сразу же скрестил руки на её груди, придерживая.

– Верно, малявка, – сказал Жора, лучезарно, как солнце на чистом небе, плеская-излучая тепло и добро. – А ты, как мне помнится, будешь у нас Любочкой?

– Да, дяденька Жора, – согласилась девочка.

– Вот и познакомились. Вот и хорошо. Значит, у нас ещё есть Бориска и... – Он помедлил. – Катя, – Жора-Костя показал на девочку пальцем, и перевёл его, как ищущий цель пистолет, на мальчика, – Митя, – и на последнего, – Саша. Вот! Всех запомнил. – Он выдохнул, довольный собою, и снова расплылся физиономией, всё одно что солнышко в небе.

Единственное, что подтвердил низенький мужчина, это то, что ему тридцать шесть лет. Из чего следовало, что родился он в 1969 году. Это означало, что он ровесник родителям Саши, Мити и Кати, а родители Бориса и Любочки даже будут моложе его. В общем, посудили ребята, он – старичок, то есть древний экземпляр, а потому – дремучий. Всё одно, что их мамы

с папами. Но он, *в отличие от некоторых*, общается с ними как равный, – он замечает их, не понукает, он *нуждается* в них! И это детям льстило. Это им нравилось.

Они узнали, что родился он и жил в деревушке, подобной их Тумачам. Рядом с ней – в его детстве – шумело не богатое село, а не великий и не малый, но настоящий город, в который он часто навевался с друзьями. Там он впервые пригубил вина, выкурил сигарету и узнал, что такое женщина. Там же он впервые участвовал в массовой драке и подсел на мелкое хулиганство и воровство. К своим четырнадцати годам он уже имел несколько приводов в милицию и был поставлен на учёт. Школу посещал неохотно, часто, а то и подолгу её прогуливал. Его родители были молоды, потому жили себе на уме, не замечая не только его, но, казалось, и друг друга. Он был их ранним и единственным ребёнком: мать *обременилась* чадом по причине *весёлой* юности, – а отец, такой же как и он маленький и непригожий, не отпирался, не отрекался: он, радуясь появлению в его молодой жизни *постоянной* женщины, легко и скоро на ней женился.

Был у Жоры закадычный друг – бедолага-собрат по деревенской жизни. Звался он Толиком. Толик, по прозвищу: Безбашенный. Толик Безбашенный. Впоследствии за ним закрепилась кличка Костыль – за жестокий, бесшабашный нрав. Они побывали во многих переделках – не одну пинту крови унесли они на своих рубахах: как собственной, так и чужой. Но всё это были, хотя под час жестокие, но всё же детские шалости. Дамские сумочки и кошельки разных фасонов с обчищенными карманами приподневидшихся забулдыг исправно пополняли их личный бюджет. Их не раз ловили и предупреждали, поучали и брали на поруки – отделялись ребятки лёгким испугом, с которым быстро свыклись, то есть разучились его различать.

Шёл Жоре всего пятнадцатый годок, а он уже был прожжённым, бывалым, развязным пареньком, коротающим время среди мужиков за кружкой разливного пива с воблой и дымящейся папиросой, как заправский *курулка*, словно у него многолетний стаж. В такой вот компашке нашёл его некий господинчик. Был он неопределённого возраста, весь из себя видный – этакий фронт, говорил складно – по-книжному, по-учёному, в общем, так его растак, грёбанный интелего. Дружки, с которыми ходил Жора, восприняли господинчика прохладно, но было заметно, что смотрят они на него с завистью. Без особых изысков, с наскоку, по-деловому смело предложил этот интелего в заношенном велюровом костюме – шайтан в человеческом облици! – предложил ребяткам очень заманчивое дельце. Ну, прямо-таки пальчики оближешь. Посулил приличный куш.

Что ж, знакомо дело! – ребятки, не достигшие совершеннолетия, согласились.

Интелего – наводчик и мозговой центр.

Ребятки – исполнители-реализаторы или шестёрки, разменная монета.

Надлежало грабануть одну фатеру, числящуюся за одним прижимистым хмырьком, заведующим областным продовольственным складом. То был червячок зажиточный: банкноты шуршали не в набитых ими карманах, а лёжа под полами и замурованными в стенах дома, квартиры и двух гаражей, – его надо было непременно раскулачить!

Ребятки загорелись, запыхтели-засопели, порываясь в бой.

Знаменательный день не заставил себя ждать. Всё было продумано и подготовлено господинчиком-франтом, пожелавшим оставаться в стороне, мол, не при деле я, если ребятки спялятся: он скучал в машине, поджидая барахлишко-пожитки с золотишком и тугие пачки цветных купюр. Условились они, что нагрузит франтик машину добром и укатит, а детки разбегутся, чтобы через пару недель прийти за долей на хату к одному сильно поддающему одинокому старичку.

Всё было просто, как дважды два и всё тому подобное.

В нужный час пятеро юнцов вошло в незапертую, по причине дневного времени, дверь деревенского дома, где предполагалось наличие основных богатств-капиталов. Они легко упра-

вились с хозяином: связали его и, нанося побои, угрожая подвернувшимися под руку предметами, стали выпытывать у него сведения о тайниках с заветными залежами.

Если бы зажиточный субъект видел перед собой взрослых налётчиков, он бы, скорее всего, артачился и упирался настойчивее и отважнее, полагая достучаться до их сердоболия или страхов. Но перед ним были безусые мальчишки, очень злобно, агрессивно настроенные, поэтому богач довольно скоро спасовал и рассказал всё о своих несметных сокровищах. К тому же он понял, что детки действуют под руководством взрослого – обработали мальчишек жёстко: они были уверены, что субъект не обратится в милицию, так как его средства нажиты незаконно, а сами они смогут увильнуть от наказания, воспользовавшись своим малолетством.

Всё, и правда, могло пройти гладко: искать налётчиков было бы некому, потому что никто бы о них не сообщил. Но... когда убрались восвояси трое поделщиков, унося добро, Толик Безбашенный остался, а с ним остался и его закадычный дружбан Жора, на которого можно было рассчитывать в любой ситуации. Поддавшись жадности и самонадеянности, Толик стал дознаваться у богача ещё о каком-нибудь тайничке, хотя бы вшивеньком, разорив который, они бы на пару с Жорой разбогатели, утаив его содержимое от начальника-франта. Нечистому на руку мужику то ли нечего было сказать, то ли он решил до последнего оберегать то малое, что у него оставалось, но более он ничем им не помог. Тогда Толик рассвирепел и ухватился за нож. Толик тыкал и резал мужика. Толик слетел с катушек. И через десять минут мужик потерял сознание. Двое закадычных друзей перепачканных кровью, осознав, что к ним незаметно подкралась безнадёга, бросились наутёк.

Через час вернулась жена прижимистого кладовщика и немедля, не соображая о последствиях, вызвала «Скорую помощь» – так дело получило ход.

Мужик кое-как выкарабкался. А пятерых ребят через месяц повязали. Судили. Жоре, с учётом всех предшествующих эпизодов с мелким воровством и драками, перепало-набежало 8 годков в колонии общего режима. Толе Безбашенному, в очень скором времени – Костылю, как зачинщику и исполнителю жестокого издевательства, едва не приведшего к смерти, оставившего мужика инвалидом, беря во внимание неоднократные приводы в милицию за те же драки и воровство, что у Жоры, – 12 лет строгача. До достижения соответствующих годков, они коротали дни в колонии для несовершеннолетних.

То был 1983 год.

А в 1991 году более не военнообязанный двадцатидвухлетний Жора Барсуков освобо-
дился.

Ждала Жору честная жизнь в осязательно изменившемся мире.

Жора не долго думая устроился на завод слесарем.

Не минуло полугода, когда его взял в оборот один из сотрудников руководящего звена завода, и Жора стал пособником-исполнителем, обеспечивая вынос с заводской территории всего, на что ему указывали. За этим занятием и заломили ручки Жоре в 1993 году, и одарили его всего лишь тремя годами принудительных работ на лесоповале.

1996 год – год вторично обрётённой свободы Жорой – был ещё менее приветливым, нежели 1991 год. Жоре надо было находить себя в уже сильно изменившемся и жестоком мире. Было ему на ту пору двадцать семь годочков. Жора нашёл простое решение: он жестоко запил, иногда участвуя в бандитских стрелках в качестве массовки. Прошло всего лишь четыре месяца, когда приключилась с Жорой дурь: по пьяни, вовремя не получив нужного *лечения* от дедка-поставщика самогона, он подверг того жестокому телесному наказанию, нанеся увечья, и, чтобы этот говнюк не удумал снова измываться над страждущим человеком, спалил его хату. Дед чудом не погиб в огне. Так что Жоре, можно сказать, опять повезло: он был второй раз пойман за то, что чуток кого-то не угробил. Если же угробил бы, тогда ему пришлось бы совсем худо. Может, тогда он гарантировал бы себе *вышак*! А так – пустяки! Каких-то жалких, куцых шесть лет строгача. Ха! Единственное, что расстраивало, это глупость, по которой он

снова сел. Ведь мог бы себя сдержать, не доводить до калечения человека. Мог, мог бы! А он – вот... Но то, что он оказался в родных тюремных стенах, его обрадовало, сняв напряжение от неопределённости, нужд и забот в беспокойном мире.

С каким умилением вспоминал Жора 1996 год, когда в 2002 году он вышел на свободу. Показался он ему детской проказой, если сравнивать с тем, что происходило теперь, с тем, что ему предстояло постичь и принять. И в этом до неприличия изменившемся мире были по-прежнему не просто нужны, а были *необходимы* такие, как он. Ещё за решёткой до Жоры доходили слухи о невиданной жизни, которую подарила людям некогда социалистическая страна, окунув себя в капиталистическую вакханалию со стремительно развивающимися технологиями. И сколько же – ещё в тюрьме – поступило ему предложений от работодателей, приглашающих к взаимовыгодному сотрудничеству. О, да! Жоре это нравилось.

Он улыбался и облизывался, стоя руки в брюки посреди Красной Площади. Он ехидно щерился, поигрывая языком в просвете между зубами – теперь-то он купит себе золотые зубы. О, да! И очень скоро. Его уже ждут, и его ждёт не ведающая о нём Москва – столица любимой Родины! Жоре нравился такой мир. Неужели, когда-то было иначе? Неужели, как-то иначе было при его же жизни? Не может быть! Ха-ха...

Он шёл руки в брюки и насвистывал «по долинам и по взгорьям», а Москва бурлила. Скоро, очень скоро частью этой жизни станет и Жора.

«Я всё одно, что Христос! – думал Жора. – Он пришёл в Иерусалим, а я пришёл в сердце другой славной державы!»

Участь, постигшую Христа, он старался не затрагивать.

«Предупреждён – вооружён. Так-то, – посудил он. – Я не буду глупцом или жертвенным агнцем. Я полечу высоко. И далёко».

«Вот и я! Встречай меня, Москва-матушка!»

Было ему на ту пору тридцать три года.

Жору приютил под своим крылышком некий авторитет, известный в московских криминальных кругах и в правоохранительных органах как Султан, а по паспорту – Султанов Пётр Константинович. Жоре поручили самую грязную и неблагодарную, опасную и непредсказуемую работу: его зачислили в штат «чернорабочих», занимающихся наложением и сбором оброков, выбиванием долгов, проводящих акции устрашения и наказания, при возникновении потребности обязанных прикрывать-охранять боссов в их деловых сходах и участвовать в разборках. Жора был шестёркой. Он был на подхвате, исполняя всю грязную работу. Трудился он на передовом рубеже не щадя живота своего. Он рисковал головой и мучил, истязал непослушных и своенравных, и ни на что не жаловался: карьеру, как известно, положено начинать с нуля, карабкаться по ступеням шаг за шагом, и переводить дыхание в закутке достигнутой ниши. Если он уцелеет, тогда у него всё получится! В это Жора верил.

Но Жоре повезло. Жору ждала приятная встреча: через три месяца работы на Султана, он узнал, что давний его коришь, закадычный друг Толя Безбашенный – это никто иной, как Костыль, о котором среди нового для Жоры окружения ходило много страшных легенд, наполненных бессмысленной жестокостью. А Жора уж было подумал, что кличку его друга детства позаимствовал кто-то другой. Нет, это на самом деле был он – Толик Безбашенный, теперь возглавляющий несколько боевых бригад Султана: с момента выхода на свободу, с 1998 года, Костыль трудился день и ночь, порою без сна, и честно заслужил столь высокий ранг своей безупречной преданностью общему делу процветания криминала.

Как только Костыль узнал о давнем товарище, он тотчас пожелал его увидеть.

Старые товарищи хорошо отметили воссоединение, и в считанные дни Жору перевели под непосредственное начало Толика.

Жора стал правой рукой матёрого и кровожадного безбашенного Костыля.

До этих пор Жора полагал, что принятые среди его прежних товарищей мероприятия порой переходят разумные границы, что не следует так часто прибегать к жестоким мерам, можно бы обходиться как-нибудь полегче, помягче. Но всё познанное оказалось цветочками, по сравнению с тем, что он был вынужден лицедреть и воплощать теперь, не осмеливаясь подводить своего поручителя, поругать оказанное ему доверие и страшась навлечь на себя гнев и даже наказание, которое, Жора в этом не сомневался, Костыль без тени сомнения обрушит на его маленькое тельце – подвергнет его мучительной смерти! Жоре казалось, что он состоит под началом некоего садиста, изверга, дьявола в облики человека, что происходящее – это не реальность, а кошмарный сон, от которого можно сойти с ума. На первых порах он частенько выбегал из смрадной комнаты от подкатившей дурноты и выворачивал нутро наизнанку, блюя до колик. За такую слабость ему было стыдно. Но у него не получалось противиться естественным позывам к рвоте, когда у него на глазах терзали, буквально рвя на куски, живого человека. Вскоре, однако, Жора попривыкся и вроде как вошёл во вкус – приелось, стали для него подобные дела обыденными. И даже порой делалось Жоре как-то скучновато снова идти и мараться кровью, но он приободрялся, чуя тяжесть карманов, набитых деньгами, – так что можно было не думать о постирушках испачканного шмотья, а развлечься прогулкой по магазинам.

Всё складывалось для Жоры можно сказать что благополучно: он был цел, невредим и до сих пор вроде как жив. А то, что Костыль не признаёт чистоплотность и эстетику, в последнее время Жору не особо волновало. Правда, так было до лета 2005 года, когда Жора уже катался на личном мерседесе и жил в собственной двухкомнатной квартире в центре столицы. Жора вместе с двумя ребятами, состоявшими у него в подчинении, несколько месяцев самостоятельно курировал три крупных дельца, и так получилось, что они спалились – у оперов на их троицу появились улики.

Султан давно свёл дружбу с нужными людьми в правоохранительных органах и периодически помогал им закрывать так называемые «висяки», для чего исправно выдавал неугодных, неудобных или засвеченных людей. Чаще это была всякая мелочёвка, вроде Жоры и его двух подчинённых. На этот раз Султан договорился с нужным следователем о сдаче проколовшейся маленькой бригады под началом Жоры. В списочке имелся и сам главарь, то есть Жора Барсуков, известный как Барсук. Было решено послать неугодных ребятков на устранение одной проблемки, чтобы разом решить два дела, и повязать их на месте преступления – возьмут их тёплыми, с пылу, с жару! Но... В этой неблагоприятной затее было одно «но». И оно заключалось в том, что Султан боялся отпускать ребятков в тюремные застенки, где они могут угодить в лапы неподконтрольных ему людей, и те возьмут да и развяжут им языки. Жора знал вполне достаточно фактов о проступках Султана. Поэтому, чтобы не выносить сор из избы, сошлись на том, что Жору и одного из его подчинённых порешат на месте, а с оставшимся, мало знающим новичком, опер сделает то, что надобно для блага следствия.

Султан не долго размышлял, кому поручить щекотливое мероприятие: тот, кто поручился за Жору, кто приблизил его, настоял на том, что Жоре можно доверять серьёзные дела, тот пускай и отвечает. Костыль был призван под строгие очи Султана и облечён задачей: поручить Жоре один вопросик, по исполнению которого, тот не должен уйти живым. Обо всём позаботится опергруппа, но если она не справится, Костыль должен самолично убрать Жору и одного из его ребятков. Султан многое дал Костылю, и тот не смел ослушаться. К тому же, ещё никогда Костыль не убивал того, кто был по-настоящему ему дорог, поэтому он рвался в бой с остервенением, стремясь испытать до сих пор неизведанные им чувства. Ни чуть не колеблясь, Костыль отправил Жору на задание. Он не стал дожидаться, когда отреагирует опергруппа, окружившая многоэтажный дом. Он заранее проник в подъезд и неожиданно возник на пороге чужой квартиры, где орудовал Жора со своей скромной бригадой. Костыль без заминки выстрелил в двух ребятков Жоры. Первому он метился в сердце – и завалил его

с одного выстрела. У второго было время, чтобы оказать сопротивление. Не много, но было. А он застыл, глядя на легендарного Костыля кролячьими – бестолковыми – глазами. Он видел, как на него переводится пистолет... и слышал хлопок, и что-то гулко, тяжело стукнуло в его правое плечо, разрывая его, обжигая огнём. Парень ухватился за облитое свинцом плечо, привалился спиной к стене и опустился на пол – смотрел, как Костыль выбивает ногой из его онемевшей руки чёрную железяку – пистолет, из которого только что был убит хозяин квартиры, смотрел, как Костыль делает контрольный выстрел в голову его товарища, и не смел ничего спросить, узнать, в чём их вина, в чём ошибка, что они сделали не так, почему, в чём они, он! провинился, в чём?

Барсук тоже ничего не понимал. Он молча смотрел на вершимую несправедливость, предполагая, что дни, отпущенные «молочным щенятам», истекли – больше они не нужны. А он? Что с ним, с Жорой? Если так решил сам Султан, если он должен принять смерть от руки друга... что же... так тому и быть... наверное. О таком Жора никогда не думал.

Костыль опустил пистолет, подошёл к Барсуку, сказал, с жадностью всматриваясь в глубину его глаз:

– Я сожалею, но это приказа Султана.

Что-то твёрдое прижалось к рёбрам Барсука – вся жизнь вихрем пронеслась перед его глазами, и ему страстно захотелось жить.

Грохнул выстрел.

Мир поплыл перед глазами Барсука – всё вокруг залил яркий свет, размывая очертания предметов, заставляя их плавать, поднявшись на воздух.

Сознание у Барсука помутилось.

А у Костыля расширились зрачки.

Костыль что-то выдохнул и стал сползать, цепляясь за друга Жору.

В дверях стоял мужчина в штатском.

Это был следователь, с которым договаривался Султан. Это он стрелял, и стрелял в Костыля, потому что час назад ему позвонил Султан и попросил устранить хорошо известного правоохранительным органам матёрого зверя, жестокого истязателя и убийцу по прозвищу Костыль.

Не прошло секунды, как Костыль сполз к ногам друга, а Жора уже знал, что хочет не просто жить, но хочет мстить! И Жора опередил мужчину, вставшего на пороге чужой квартиры. Он выстрелил первым. Пуля вошла в область переносицы незнакомца, и лицо у него, брызнув каплями, вспыхнуло красной кляксой.

Жора побежал.

Было темно.

Была ночь.

Жора бежал дворами и стрелял в каких-то людей, что-то кричавших и стрелявших ему в спину. Жора прыгнул в машину, предусмотрительно оставленную на соседней улице, и успел выехать из Москвы до того, как захлопнулся капкан. Жора бросил машину в лесу, разломал сотовый телефон, зашвырнул его в кусты и пошёл не разбирая дороги. Шёл он долго. Потом ехал на электричке. Потом трясся в рейсовом автобусе, и вышел в поле на безлюдной остановке. В стороне, в ложбине, виднелась деревня, вытянутая в длинную струну. Он направился в противоположном направлении. Он обходил населённые пункты. Он пробирался через леса и поля. Жору гнал страх. Он боялся не только милиции, но и подручных Султана, бывших своих товарищей.

Шёл он пять дней. Два раза, понукаемый голодом, Жора заглядывал в деревенские магазинчики, и снова возвращался в лес. Он не знал, сколько ещё надо идти, чтобы немного успокоиться, поверив, что погоня потеряла его след. Сколько он выдержит? Ему надо где-то затаиться, где-то осесть! Но где, как? Он не знал. Или не решался этого сделать, боясь, – он не понимал

и этого. Он просто брёл. И наконец он изморился настолько, что начал мечтать о покое в уютной постели. В таком вот состоянии он наткнулся на шалаш в поле, сложенный из стеблей и листьев кукурузы. Он рухнул в него и забылся сном.

Жора упрел. Он с удовольствием скинул бы с себя рубашку и джинсы, если бы не опасался ещё больше напугать детей разукрашенным татуировками торсом. Он с полчаса рассказывал историю своей нехитрой, но сложной и страшной жизни. Он утомил не только себя, но и детей, которые стояли, сбившись в кучку и не решались сесть, – чтобы этот опасный мужик не нависал над ними, чтобы он не застал их врасплох, по какой-то своей причине вдруг вздумав на них напасть! Ребята старались скрыть взбудораженные чувства – и то и дело хватали длинные листья кукурузы и ломали их, вертя в руках. Они стояли и украдкой бросали на Жору недоверчивые взгляды. Все устали. Всем хотелось завершения излияния-исповеди, – и разойтись по своим норам, чтобы хорошенько всё обдумать на отдохнувшую, а не очумлённую стоянием под полуденным солнцем голову.

Жора то садился, то поднимался, а то расхаживал взад-вперёд, разминаясь и отвлекаясь на размеренный шаг, и продолжал говорить:

– Ребятки, вы не думайте, что я – кровожадный мародёр и всё такое прочее. Посудите сами: тогда, когда ещё наше славное государство было другим, жил я нище, в лишениях, – и если от этого я, такой плохой, покусился на чей-то кошелек, то это не такой уж большой грех! Если тогда я участвовал в массовых драках, то эти драки были по нашим, общими мыслями установленным правилам, законам. А потом нас, ещё даже не подростков, соблазнил легко доступным кушем взрослый хмырь. Мы ему доверились. А потом я всего лишь остался преданным своему другу, пускай непутёвому, разнузданному, расхлёстанному, но другу, оставшись при нём до конца. Не более того! И нас покрутили, и осудили. И это справедливо! Отсидев положенное, я крал заводское имущество. И только! И за это я тоже отсидел положенное. А «только» я говорю потому, что уже тогда пришли другие времена: жёсткие и страшные, голодные и вместе с тем богатые. Я уже ни с какого боку не был нужен государству: меня никто не воспитывал, не брал на поруки – меня просто терпели, как по недоразумению живущую неудобную тварь. Для меня не могло быть иного пути – только по ранее протоптанной дорожке! Если бы не новые времена, я остался бы мелким воришкой. Не более, не более того, ребятки! А так... Я был не властен совладать с тем, противостоять тому, что при моём отсутствии сотворили со страной. Да, я вернулся в криминал, но криминал, видите ли, уже был не тем. Он давно стал по-настоящему жестоким, грубым, кровожадным. К тому же, до последнего времени я был всего лишь мелким исполнителем, шестёркой, воплощающей в жизнь чужие затеи. Надо мной стояли жирные властители – я не смел ослушаться. Когда же я втянулся в эту безумную карусель, пути назад у меня и вовсе не стало: меня бы порешили! И когда мне поручили самостоятельные мероприятия, как тут откажешься? Я так глубоко вляпался. Завяз коготок – всей пташке пропасть, гласит народная мудрость. Со мной не церемонились бы – порешили бы враз! Потому что я уже много чего знал, много чего мог набалакать... так-таки, ребятки. Собственная жизнь стоит дорогого! Когда над ней завис коршун, тут некогда думать о высоких материях – всё печёшься о своей шкуре, изворачиваешься, чтобы уцелеть. Вы это понимаете? Вы меня не особо осуждаете? Я не хотел бы этого. Видит Бог, не хотел бы. Вам узнать бы, что такое Костыль, что это был за монстр. По сравнению с ним, я – пушистая белая овечка, ангел на небесных облаках. А ведь до того... до этого нашего теперешнего настоящего я был совсем другим, совсем другим, – Жора сокрушённо вздохнул, сел у шалаша – закручинился. – Не судите меня строго, ребятки. Я сам не рад, что в это вляпался. Я обо всём очень сожалею. Если бы не это проклятое время... если бы не новая революция... этот перевёртыш... если бы всё вернуть назад... я как-нибудь да выкрутился бы, и никак не стал бы тем, что есть сейчас, никак не стал бы... никак...

Жора обхватил себя руками и закачался, отупело глядя перед собой выпученными глазами.

– Ладно, – заговорил Бориска, – мы понимаем. Да, ребята?

Саша скривился, пожал плечом.

Митя отрывисто кивнул.

Катя глубокомысленно посмотрела на Бориску.

А Любочка пошла утешать опечаленного дяденьку.

– На, – сказала Любочка, приблизившись к нему и протянув что-то скрученное из листьев кукурузы, что-то, что напоминало маленький веноч.

– Спасибо, – сказал Жора. – Как ты умело плетёшь.

– Это ещё что, я ещё не так могу, – ответила девочка. – Мне вас жалко, – добавила она и потянулась, чтобы погладить его сухую, но крепкую руку.

Жора осторожно накрыл её малюсенькую кисть, и похлопал по ней, и дружески улыбнулся, глядя прямо в светлые глаза девочки.

– Спасибо, малявка, я это ценю, – сказал он и посмотрел на остальных ребят.

Те как-то робко колыхнулись, делая к нему маленький шагок.

Потом шаг стал больше, – и вот они уже дружно, но пока ещё натужно улыбаясь, обступили его, наперебой спрашивая о жизни в неведомой далёкой Москве, о том, как это быть бандитом, как быть богатым, одним из тех, кто частенько проезжает через Житнино, не заглядывая в Тумачи, то есть к ним, к ребят, мчится он мимо в больших и малых, но красивых, наверное, дорогущих иноземных машинах: «И даже кое-кто из таких завёлся среди жителей Житнино», – сообщили они по секрету.

Жора был доволен. Жора ликовал! Тем более, что теперь рядом с ним сидел сам Бориска – самый старший и головастый, – и он, Бориска, пока неохотно, растерянно, но пытается понять и принять его, Жору, впустить его в свою жизнь. Это была победа!

Жора отбивался от вопросов общими фразами, стремясь уйти от полемики, чтобы окончательно закрепить появившееся к нему участие: подробные ответы могли вызвать ненужные споры и породить маленький, но конфликт. Жора не хотел рисковать, и поэтому при первой же возможности он заговорил о том, что волновало его теперь больше остальных, сказав:

– Мне, ребятки, оставаться здесь никак нельзя. Опасно здесь. Дорога близко. Нас могут услышать. Или кто-нибудь зайдёт в кукурузу по какой-нибудь своей надобности, а может, отыскивая вас. Тут же всего пару шагов надо сделать и вот он – шалашик! Мне надо сменить место. Я вчера ходил, осматривался и нашёл местечко. Там, – Жора показал в сторону от дороги, на запад, в глубь поля, – за небольшой горкой, за холмиком. От деревни до него будет около километра. Не меньше. В такую даль никто просто так не заберётся. Местечко мне кажется очень удобным. Как мыслите, ребятки? – Все согласились. – Поможете перебраться? Поможете построить новый шалаш? Этот у вас вышел очень даже складно, так что я полагаюсь на вас в этом вопросе. Вы специалисты хоть куда!

– Поможем. Да. Да. – Радостно согласились дети.

– Так, значит, завтра и начнём! Приносите ножи, лопаты, может, какие тряпки для подстилки и чтобы их порвать и пустить на ленты для связки кукурузных палок.

– Да мы и так всё устроим, – сказал Саша. – Зачем что-то тащить? Могут заметить и спросить, зачем несём?

– Могут, – согласился Жора. – Но мне жить в нём не один день, и с нужными инструментами дело пойдёт сподручнее, и берлогу, в которую я залягу, мы отгрохаем тогда с размахом, с шиком, а!

– Ну... это да, – согласился Саша. – С лопатами и ножиками будет быстрее и удобнее.

– На том и порешим, – сказал Жора. – Подползайте к девяти часикам. Да идите осторожно, окружным, а не прямым путём, чтобы не заметили направления, если кто заметит, лады?

– Лады. Лады. Лады. Да. – Сказало четверо детей разом.

Любочка же, приоткрыв ротик, лишь смотрела на дядю: она хотела спросить его о маме, но никак не решалась, чувствуя неподходящий момент и страшась его обидеть, потому что сейчас он вовсе не казался ей злобным, к тому же имеющим хотя бы какое-то отношение к тем людям, кто куда-то увёл её мамочку.

– Да, и ещё, – сказал Жора. – Кто может вечером, когда стемнеет, проводить меня к реке? Куда-нибудь, где можно помыться вдали от людей. Я совсем грязный. Запылился я в дороге. Пропотел жутко. Есть такое местечко? – Жора в первую очередь обращался, конечно же, к мальчикам.

– Пожалуй, что есть, – проговорил Бориска. – Можно отыскать. Но идти придётся далеко. И лучше выйти загодя, до темноты, – размышлял он. – Идти надо кукурузой, в обход села, а когда стемнеет – перейти дорогу, перебежать поле, укрыться в зарослях у реки и тогда присмотреть местечко.

– Да-да, – подхватил Митя. – Это надо идти на запад, за село, туда, ближе к птицеферме. Там плохо пахнет и всюду поля, нигде нет ни одного дерева, лесок начинается у птицефермы, а так – всё поля. Туда редко кто ходит, а к потёмкам совсем никого не будет, скорее всего.

– Верно, – подтвердил Бориска. – Туда надо. Там крутой и высокий берег и сверху сразу не увидишь, кто у реки.

– Так проводите?

– Проводим, – в голос сказали мальчики.

– Если сможем, – добавил Саша. – Родители могут не... ну, там...

– Да я понимаю, – ободрил его Жора. – Всякое бывает. Я не настаиваю, да и нет надобности идти всем сразу. Много народа – это может привлечь внимание. Хотя, при излишке народа, кого-то можно выслать вперёд, на разведку, и тут же кем-то другим прикрыть тылы... но хватит и одного провожатого, как-нибудь дойдём.

– Бориска? – Саша поднял брови, понуждая мальчика к ответу.

Наконец Бориска сообразил, что он хочет от него добиться, сказал:

– Я живу один. Отец работает на поезде, и подолгу не бывает дома, – пояснил он для Жоры. – Так что я точно буду, – добавил он как-то неуверенно, словно не желая предстоящей вылазки, да ещё в одиночку с мужичком.

– На этом и порешим. – Жора бодро протянул мальчику руку для пожатия.

Бориска повинился.

Сильная квадратная пятерня мужичка удостоила чстью и Митю с Сашей – мальчики были польщены, – физический контакт окончательно разрушил остатки отчуждения, брезгливости, а то и страха. Катя же почему-то сделалась красной: она алела, как мак. Жора встретился с её воспалённо блестящими глазами и быстро отвернулся, и быстро сказал:

– А ты, Бориска, чего это всё смотришь на солнышко, куда-то торопишься?

– Солнце – в зените, значит, сейчас где-то начало второго, – сказал тот, и Жора машинально взглянул на своё пустое запястье: его дорожные часы покоились в шалаше, внутри свёрнутого пиджака. – Любочке пора обедать и постараться поспать, – уточнил Бориска. – Её бабушка и дедушка станут переживать, станут искать её, увидят, что меня нет дома, и предположат, что она где-нибудь со мной, и заругают меня.

– Тебя никто не заругает, – возмутилась Любочка. – Бабушка с дедушкой тебя любят и ничего такого не скажут.

– Но подумают, – сказал Бориска.

– И ничего подобного! – ещё больше возмутилась Любочка и раздула щёчки. – Они не такие.

– Пускай без упрёка и злобы, но подумать могут, – продолжал упрячиться Бориска.

– Нет! Нет, нет и нет! – закричала Любочка. Она подскочила на ножки, упёрлась ручками в плечи сидящего мальчика и попыталась раскачать его, такого-сякого упрянца, но при этом сама стала раскачиваться, и ей это понравилось.

Любочка дурачилась, а Бориска не сопротивлялся – он ей подыгрывал.

Жору обеспокоило нечаянно нагрянувшее на детей веселье, и он внезапно цепко ухватил Любочку за руку, развернул её к себе и живо, требовательно спросил:

– Так ты, малявка, живёшь только с бабушкой и дедушкой?

– Да! – выкрикнула та вдруг отчаянно громко, с капелькой истеричности и, вырвавшись от него, бросилась в сторону деревни, в густую и сочную высокую кукурузу.

– Любочка! – Бориска побежал за нею.

– Что это с ней? – спросил Жора.

– Три года назад её бросила мать, – сказал Саша.

– И вовсе не бросила, – зашипела на него Катя. – Как ты можешь такое говорить? Её увёз муж. Силой увёз, с подручными головорезами. И с тех пор никто её не видел.

Дети замолчали, посмотрели на Жору вроде как с подозрением и – потупились.

Жора не стал углубляться в непонятную историю, понимая, что дети переутомлены, и поспешил с ними распрощаться.

– Ну, ребятки, давайте, ступайте, – сказал он, вставая. – До вечера, значит, да? Кто сможет, тот пускай приходит часиков этак в девять. Да не забудьте принести мыло – мне же надо чем-то мыться, а? – Он изобразил, как намыливается, скобля в подмышках.

Дети улыбнулись. Жора улыбнулся и снова протянул мальчикам руку: пожатия были крепкими – Жора старался выразить глубочайшую признательность за понимание и помощь, показать искреннее к ним расположение, доверие, а мальчики, поняв это, ответили тем же.

– Пока. Жду, – сказал Жора.

– Пока, – ответили дети и пропали среди кукурузы.

Глава четвёртая Кукурузный дом

13 дней назад (14 июля, пятница)

Уснув сразу же, как только голова коснулась подушки, Катя проснулась за полночь – и долгие ночные часы мучилась, осмысливая происходившее с нею в эти три дня... и происходящее.

Она стыдится возникающих образов.

Но, как же от них избавиться?

Нежное чувство, пробужденное той первой ночью после знакомства со страшеньким маленьким мужчиной, отпуская её на короткое время, неизбежно возвращается – неотвязно преследует её, не даёт покоя. И Катя злится. Злится на себя за безволие, за неспособность изгнать из головы тёплые воспоминания, смелые сцены из приключившегося с нею сна. Злится на него – этого грубого, безнравственного варвара, жестокого убийцу, – теперь она это знает. Возможно, она это почувствовала, углядела в нём сразу, благодаря женскому восприятию, которое день ото дня пробуждается, копится в ней. Почувствовала, но не сумела понять – и это её погубило! Она хотела бы изгнать его из своей жизни. Она предпочла бы вовсе не пускать его в свой мир. Но это уже невозможно, – ей остается только ненавидеть его и негодовать на себя.

Катя устала. Катя страдает от потребности провалиться в беспомыслие, где она станет лежать на широком ложе, утопая в перинах, а грязный, обросший волосом, изуродованный шрамами невеликий ростом капитан пиратского судна войдёт в комнату, чтобы целовать её, ласкать её, любить её... а потом они будут кушать фрукты, развалившись в креслах на палубе, а жалкие рабы будут пресмыкаться, ползая у них в ногах, вымаливая прощения за то, что они такие мерзкие и ничтожные. Они изгонят их плетью на нижнюю палубу и, оставшись вдвоём, в обнимку встанут к штурвалу роскошной шхуны, плывя вдаль, к солнцу, по безбрежному океану!

Но мысль работает отчётливо, перебирая пережитое и узнанное, тасуя всё в беспорядке, мешая и путая. Катя мучается на своей скрипучей кровати, на неровных – слежалых, вонючих – матрасах, бодрствуя: то – глядя в темноту, то – закрывая глаза, то – затаив дыхание, а то – кусая губы... Катя созревала, превращаясь в женщину, – через три месяца ей исполнится четырнадцать лет.

А её тельце никак не желает расти! Катя всё так же мала, словно ей всего лишь одиннадцать!

Она пугается будущего: что, если ей суждено навсегда остаться такой малышкой? Вот ужас-то! И в этом виновата мать! Да-да, непременно. Мать и отец. Но отца давно нет рядом, – и его образ распался, потеряв очертания, от чего Катя его додумывает, неизбежно облагораживая, наделяя неоспоримыми достоинствами, – каким бы ни был отец, его вины в её задержке роста неизмеримо меньше. Мать! Женщина, которая постоянно рядом, которая беспробудно пьёт и якшается с разными облезлыми мужиками – вот виновница! Женщина, которая, подхрапывая, сопит сейчас на разложенном диване возле окна – в одежде, без спального белья, в обнимку с дядей Серёжей, – а над ними витает чадный дух перегара – чад, который заполз в каждую щель бабкиной рассохшейся, просевшей избёнки.

Катя знает, что несмотря ни на что в её жизни обязательно будут мужчины: пускай она мала, но она миловидна, привлекательна. Катя хороша собой.

«Только бы не повторить путь матери, – часто думает девочка. – Только бы не якшаться с неотёсанными пропащими забулдыгами».

«Вот будешь коротышкой, тогда иного не останется!»

От этого её пробирает мороз.

Мысль невыносима.

Бежать от неё, скорее бежать!

Катя мечется в постели, судорожно отыскивая то, что наверняка займёт её воображение. И что же это? Конечно, Егорушка! Страшненький, неказистый, опасный, но цепкий до жизни, умеющий жить при любых обстоятельствах. Знающий, какой может быть ужасной, бесцельной, унижительной жизнь, и какой она бывает прекрасной, чудесной, захватывающей, соблазнительно упоенной... И, если уж Кате написано на роду выбирать среди пьяниц и бандитов, пускай это будет пьяница и бандит в одном лице, да к тому же успешный – умеющий достигать поставленной задачи любыми путями, не останавливающийся ни перед чем, – чтобы Кате было не только страшно и пусто жить, а знала бы она, что такое удовольствие с радостью и восторгом.

«Да-да, если всё будет плохо, то лучше пусть будет так: вспышка, свет, а потом – смерть...»

Кате нравится такая перспектива. Она немного успокаивается и задумывается о том, как этим вечером, уже в темноте, Жора... Егорушка... этот страшненький во всех отношениях маленький мужчина мылся в реке, натираясь куском мыла.

«Надо будет расспросить Бориску», – думает она.

Катя краснеет: ей вдруг отчётливо представился намыленный голый Жора, едва различимый в темноте, но подсвеченный луной и бликами, которые качаются на волнах взбаламученной им воды. Она всматривается туда, куда не положено, куда стыдно, некрасиво и вульгарно смотреть.

Её щёки пылают. Катя чувствует, как их объял жар.

«Фу, мерзкая, мерзкая девчонка-малолетка! Как тебе не стыдно!» – И сама же отвечает: «Мне стыдно! Очень-очень стыдно, но что я могу поделать? Оно само! Само лезет в голову».

«В ночь! В ночь! Бежать. Скорее бежать в ночь!»

Катя выбралась из-под одеяла и в длинной ночной рубашке, как призрак, проскользила на улицу.

Луны не было – она скрылась за одиноким большим облаком, обведя его ближний край золотой каймой. Светили звёзды. И было очень-очень свежо, потому что только что землю окропил маленький дождик, и вызвал он к жизни лёгкий ветерок, который свободно гулял на просторах бескрайних полей.

Утро было душное. Солнце пекло.

В кукурузных дебрях застаивался пар – скупые капли, освежившие ночью землю, быстро просыхали.

Чахлая крыша шалаша благополучно справилась с ночными осадками, и схоронившийся под ней мужчина не пробудился, – Жора, отмытый в реке от многодневной грязи, наконец-то спал как младенец. Он облачился в железнодорожный китель, стёганные штаны и шерстяные носки, презентованные ему Бориской в первый день. Одежда была хотя и старой, пригодной лишь для хозяйственных нужд, но выстиранной перед тем, как её запрятали на хранение в сундук. Его собственные рубашка, джинсы и носки были отданы Бориске, который перед сном всё это выстирал и повесил на верёвку, растянув её в доме, чтобы по утру никто не увидел во дворе чужой одежды.

Хорошенько выспавшись, Жора поднялся в начале девятого.

Он позавтракал, и поджидал детей в полной готовности к предстоящему переезду.

В столь чудесное утро Жоре не могло быть ни о чём беспокоиться.

Единственное, что не столько тревожило, сколько интересовало его, это – насколько дети не переменили о нём мнения, после его более или менее, скорее более, правдивого рассказа. Им на это были отведены целый вечер, вся ночь и такое чудесное-расчудесное утро.

«Об этом незачем стараться думать. Придёт срок, и я всё увижу собственными глазами». Жора был в превосходном расположении духа.

Дети встретили утро под тенью некой великой страшной тайны, непосредственными хранителями которой они стали. Это вдохнуло в них уверенность в себе. Они как никогда прежде были непоколебимы даже перед лицом беспокойных, требовательных, подчас вздорных родителей. У них выпрямились спины, приподнялись головы, а взгляд был лёгок и ироничен. Правда, пока они не воспринимали произошедшую с ними перемену с должной полнотой. Пока что для них всё было сосредоточено в ощущениях: причина необыкновенной, невиданной ранее уверенности в себе не покидала их мыслей ни на секунду, но они не видели того, что именно она делает их сильнее – это понимание ускользало от них, оно бродило на периферии сознания отдельными всполохами, скакало быстро истлевающими искрами. Но настанет день и час, и они всё поймут, и произойдёт это в ближайшее время. А в это чудесное утро им, как и Жоре, ни о чём не хотелось задумываться. К тому же их ожидало увлекательное дело: постройка шалаша на новом месте. Эта затея им нравилась. Даже Катя позабыла свои ночные мучения, увидав чудесный день и ожидая предстоящее маленькое, но событие... и зная то, с кем у них назначена встреча в кукурузных дебрях – не с ночным визитёром из её снов, а с беглым преступником, страшным человеком, мучителем и убийцей!.. жуть... И он находится в их полном распоряжении! О нём никто не знает. Только они! Они – хранители этой Огромной тайны. Они – его попечители. Он от них зависит! А ведь он... он – взрослый! Он – практически одноклассник их родителям! Взрослый, матёрый зверь, а общается с ними на равных, и нуждается в них, как они – в родителях, и никуда не может уйти: он привязан, и к месту, и к ним – к всего лишь детям. Грандиозно!

Накануне вечером маленькая – крохотулечка – Любочка всё думала о маме и о её возможной связи с дядечкой в шалаше. И ночью она подскочила на постели от навалившегося кошмарного видения: вокруг чернота, пожар охватил поле, а она снова ищет маму, и мечется в сполохах огня, и не может выбраться, – и Любочка забоялась пуще, чем бесконечной разлуки с мамой, потерять свою коротенькую жизнь, забоялась она пропасть в клочущем огненном море, – что напугало её ещё сильнее. Выходило так, что она захотела пренебречь мамой ради себя любимой!

В остаток ночи Любочка уже не думала о дяденьке в шалаше. Ей было не до этого. Она переживала о себе-эгоистке.

А утром всё позабылось.

Она, по своей младости, радовалась чудесному утру искреннее остальных: что есть то, что было всего лишь в мыслях, и было уже вчера, в сравнении с нагрывшим великолепием! Сегодня – новый день, ослепительный день! И все тревоги заброшены в пыльный чулан, за толстую прочную дверь. Надо спешить помогать ребятам строить новый шалаш. Она будет стараться изо всех силёнок, подсобляя им, чтобы быть ровней им, будто бы она совсем уже взрослая девочка. Да, она сегодня будет взрослой – стойкой, мудрой женщиной.

Бориска более остальных пропитался наличествующей тайной, потому что ему предстояло идти при свете дня с одеждой преступника, которую он, туго свернув и перевязав верёвкой, положил в сумку, и не просто куда-то там идти, а нести её этому самому преступнику.

«Что ж, – рассуждал вчера Бориска, наблюдая, как Жора полощется в тёплой реке, – он – не просто преступник, он – убийца! Говорит, что невольный... что, спасая свою жизнь, отнимал её у других. Может, и так. Может, и так... Это не снимает с него вины, но это, как не удивительно, успокаивает. И хочется в это верить... чтобы с ним было проще общаться, и не задумываться о прекращении общения, и не бояться за свою жизнь, и не только за свою... А узнать его поближе – было бы любопытно», – Жора деловито намыливался, глядя на Бориску, который сидел на высоком берегу и следил за дорожкой вдоль края реки. Жора ухмылялся,

раздирая рот до ушей, и приговаривал: «Ух, хорошо, как хорошо, превосходно, уф... пфр... кхех-а. Хорошо».

«Ещё надо взять лопату и нож, – отметил Бориска. – Тряпки – на ленты, возьмут Сашка и Митя».

И хотя Бориска не собирался идти по деревенской улице, и вообще – по дороге, а намеревался сразу же за своим огородом нырнуть в кукурузу, и уже по ней добраться до Жоры, его всё одно переполняло чувство опасности от владения страшной тайной и то, что он будет действовать как шпион или заговорщик, – и об этом не будет знать ни один взрослый: он обведёт их всех вокруг пальца – он возвысится над ними, тем самым к ним приблизившись. И такие предощущения копошились во всех детях. Это их уверенно сдерживало от обычной хандры или недовольства от придирок и понуканий родителей. Всё, что им было поручено в это утро, они исполняли беспрекословно, и делали это споро, без напряжения, словно бы танцуя под музыку, которую слышали только они.

Пройдя через заднюю калитку огорода Бориски, пятеро детей со скромным скарбом в руках затерялось в кукурузном поле.

– Как вы вчера сходили? – спросил Митя, очень расстроенный тем, что вечером ему не удалось ускользнуть от родителей.

Саша, также не сумевший составить компанию Бориске и Жоре, прислушался.

– Всё удачно, нас никто не видел, – сказал Бориска. – Мы прошли за село, наверное, не меньше километра. Шли по краю дороги и каждый раз при появлении машины прятались в поле. И только потом повернули к реке. На берегу под деревьями какая-то ребятня жгла костёр, но мы плюнули на них и не стали далеко уходить – сколько можно? Да и темно уже было – никто не разобрал бы, кто мы и что мы. Да и кому какое дело! Никто не полез бы. А полез бы, чтобы спросить закурить или огонька, – ну и ладно, ничего страшного... приставать с расспросами не стали бы... маловероятно это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.